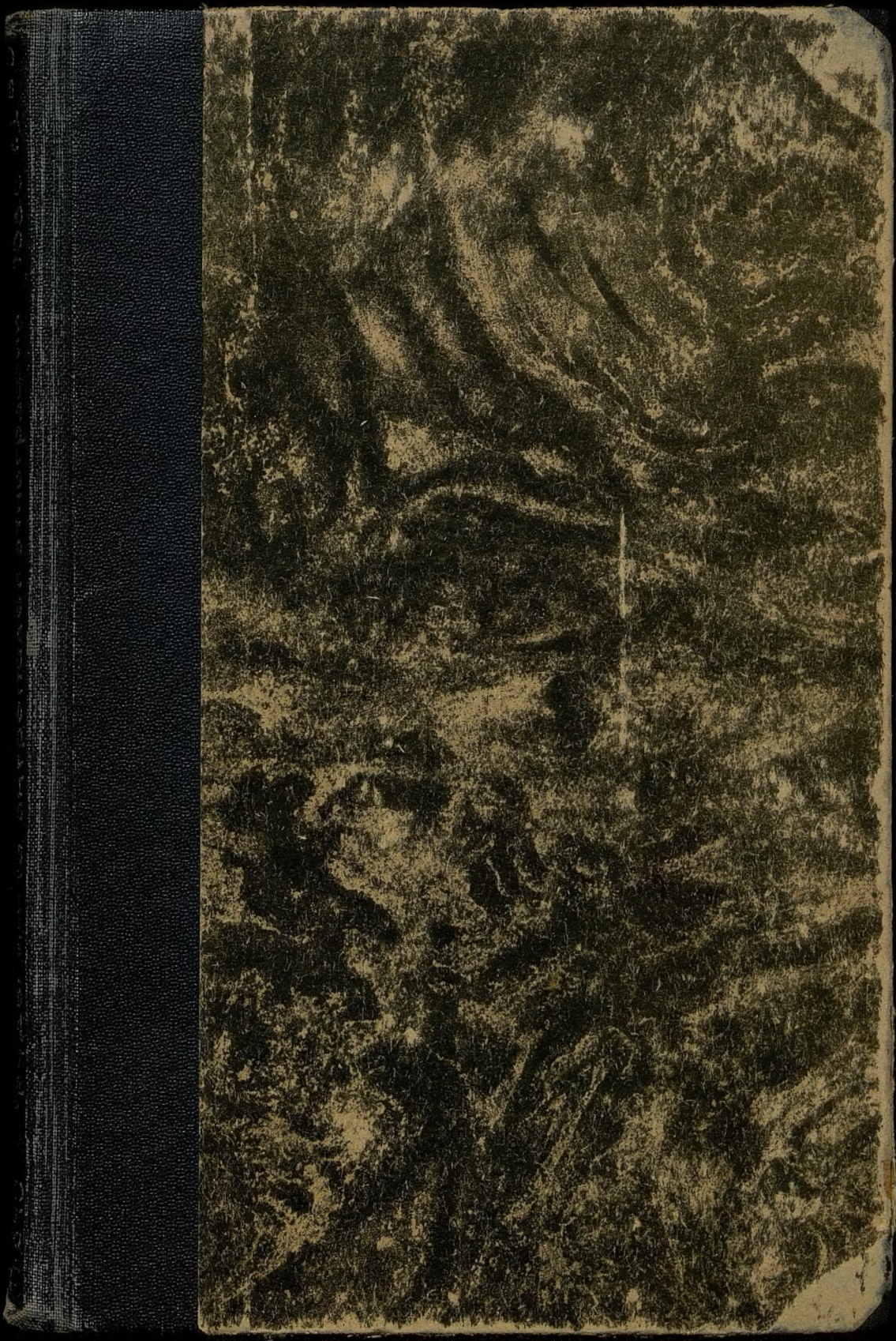


ИАЭ
Ж-845

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

334

А. А. ПОПОВ

ТАВГИЙЦЫ

МУЗЕЙ АН
и ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕ
№ 26890.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

Пров-ка
1966-67

Ж.-845.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ. Том I, вып. 5

„НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ"

334

58888

А. А. ПОПОВ

ТАВГИЙЦЫ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ
АВАМСКИХ И ВЕДЕЕВСКИХ
ТАВГИЙЦЕВ

МУЗЕЙ АНТР
и ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТ
Академии Наук

26890.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
М О С К В А . 1936 . ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Август 1935 г.

Ответственный редактор А. А. Бусыгин

Технический редактор А. Д. Покровский

Ученый корректор В. А. Заветновский

Обложка К. Л. Иванова

Сдано в набор 26 августа 1935 г. — Подписано к печати 4 декабря 1935 г.

Формат бум. 62 × 94 см. — 7 печ. л.—78000 печ. зн. в 1 б. л. — Тираж 3000.

Ленгорлит № 31983. — АНИ № 322. — Заказ № 1701

Тип. «Коминтерн» и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1.

Настоящие материалы являются результатом двухгодичной командировки автора, направленного Музеем антропологии и этнографии Академии Наук СССР в 1930 г. на северо-восток Таймырского национального округа (б. Туруханского края) для этнографического изучения долган.

При выполнении этого задания мне пришлось встретиться с более северными соседями долган — авамскими и ведеевскими [1] тавгийцами и собрать о последних этнографические материалы.

Существенную помощь оказали мне долгане: Еким Иванович Лаптуков (рис. 1), свободно владеющий тавгийским языком, в качестве переводчика при поездках, а также Степан Семенович Дураков и Карп Михайлович Жирков. Достоверность их сообщений тщательно проверялась у тавгийцев, в чме большую помощь оказал ведеевский тавгиец Кехиптие, в совершенстве знающий долганский язык.

Тавгийцы представляют большой интерес для науки. Резко выделяясь среди окружающих народностей как по своему физическому типу, так и по особенностям своей культуры, они стоят совершенно особо даже от енисейских тавгийцев — хантайских и карасинских, языка которых они не понимают.

Избегая родственных связей с соседними народностями, тавгийцы сохранили в большой чистоте свои этнические особенности, а также свое мировоззрение. Их хозяйство еще

---

[1] Название происходит от р. Ведеи или Большой Балахни, притока Хатанги. Ведеевские тавгийцы часто в печати и в официальных бумагах неправильно называются вадеевскими. В дореволюционной литературе они носят название „самоедов".

до сих пор не успело выйти из рамок натурального уклада, и только теперь товарные отношения, благодаря деятельности государственных торговых организаций и кооперации, начинают постепенно внедряться в их пушной промысел. Не будет преувеличением сказать, что эта народность до последнего времени имела примитивные формы хозяйства.

Рис. 1. Долган Еким Иванович Лаптуков
Фото автора.

Этнографическая литература о тавгийцах более чем скудна. Первым автором, давшим довольно подробное описание быта тавгийцев, следует считать П. И. Третьякова, работа которого «Туруханский край, его природа и жители» появилась в 1869 г. Ставшая библиографической редкостью, она по своим этнографическим материалам до сих пор остается единственной и вряд ли когда-либо потеряет свое научное значение.

В 1878 г. вышла на русском языке вторая часть известной работы акад. А. Ф. Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири». Описание тавгийцев отличается там неполнотою, представляя только результат путевых наблюдений.

В 1929 г. в журнале «Советская Азия» появляется статья Б. Долгих «Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района». Статья представляет значительный интерес как первая попытка разрешить вопрос о происхождении тавгийцев.

Названными трудами и исчерпывается список литературы по тавгийцам, если не считать еще краткой заметки в работе Кривошапкина «Енисейский округ и его жизнь» (1865 г.) и экономического очерка в работе Л. Н. Добровой-Ядринцевой «Туземцы Туруханского края» (1925 г.).

Такое состояние изучения тавгийцев побудило меня попытаться составить очерк их жизни на основании полевых наблюдений (вначале не предназначенных к опубликованию) в надежде, что даже и мои далеко неполные материалы могут оказаться полезными для выяснения бытовых условий этой до сих пор еще загадочной этнографической группы, и тем самым будет оказана помощь той сложной работе, которая в наши дни идет в Таймырском национальном округе по культурно-экономическому подъему тавгийцев.

В заключение считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность за любезное разрешение использовать снимки — Н. А. Остроумову и дирекции Сибирской научной рыбохозяйственной станции в Красноярске.

I

Таймырский полуостров, входящий в состав одноименного национального округа Восточной Сибири, простирается от мыса Челюскина до устья р. Хатанги на восток; до области р. Пясины — на запад; до р. Хатанги и ее притоков — на юге; а с севера ограничивается береговой линией. Северная часть Таймыра, постепенно возвышаясь, оканчивается на юге крутым уступом.

Основная возвышенность полуострова (горы Быррапга), тянется на протяжении 600 км с юго-запада на северо-восток, достигая местами 800 м высоты.

Южная часть Таймыра представляет собой холмистую равнину до 200 м высотой и ограничивается на юге уступами Среднесибирского плато.

На западной части Таймыра протекает р. Пясина с притоком Дудыптой. Между рр. Пясиной и Хатангой находится оз. Таймыр. На юге протекает р. Хета — приток Хатанги.

Климат при переходе с запада на восток становится все более и более континентальным. Относительная теплота лета и пониженная ветренность, по сравнению с низовьями Енисея, заметно изменяют флору: леса, по сравнению с западом, значительно подвигаются на север, особенно далеко заходят они по р. Хатанге. Все же три четверти Таймыра занято тундрой; относительная сухость климата определяет ее облик: к востоку наблюдается меньшее распространение болотных формаций. По мере движения с юга на север тундра постепенно переходит в пятнистую.

Фауна — типичная для полярных стран: из млекопитающих большое значение для человека имеют песец (Alopex lagopus lagopus L.) и дикий северный олень (Rangifer tarandus sibiricus). Многочисленные тундренные озера изобилуют рыбами. Летом вся тундра покрывается стадами гусей и стаями уток.

Северная часть полуострова, начиная от хр. Бырранга, совершенно необитаема для человека; южная часть до северной полосы редколесья обитаема лишь в теплое время

Рис. 2. Типы тавгийцев.
Фото Н. А. Остроумова.

года. Зимою обитаемо лишь редколесье южной части Таймыра.

Жителями Таймыра являются долгане и тавгийцы (рис. 2), причем последние более других заслуживают названия аборигенов тундры, тогда как долгане тяготеют к лесной части. Тавгийцы сами себя называют — n'ā[1].

---

[1] В транскрипции приняты следующие обозначения звуков: э = e ie = дифтонг; ɵ = ö; з = дж и l = среднему l.

В административном отношении территория, занимаемая тавгийцами, делится на три национальных совета: Авамский, Таймырский и Ведеевский. Первые два национальных совета входят в состав Авамского района. Третий — в состав Хатангского района.

Таймырские тавгийцы в дореволюционное время входили в состав авамских и выделены в отдельную административную единицу лишь при Советской власти.

Тавгийцев числится по отрывочным данным статистического учета, произведенного Авамским и Хатангским районными исполкомами в 1930—1931 гг., 615 человек (табл. 1).

Таблица 1

Количество тавгийцев

Название национальных советов	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Авамский	121	92	213
Таймырский	125	90	215
Ведеевский	101	86	187
Всего	347	268	615

Часть таймырских тавгийцев, обитающих среди местного русского населения в количестве нескольких семейств на «губе» оз. Таймыра, выделяется под названием «губских».

Самые западные тавгийцы зимою кочуют севернее линии станков, для обывательской гоньбы, начиная от «Избы Лимки» и не доходя до р. Пайтурмы, притока Дудыпты. Весною, в марте, они начинают подвигаться на север. Часть летом кочует на Дудыпте, часть на Тарее и Гольчихе (рис. 3).

Зимою более густо населяется район между станками Авам и Долганы. Станок Долганы, благодаря наличию отделения интегральной кооперации в местности Бурдук Суопката, является экономическим центром авамских тавгийцев.

Таймырские тавгийцы зимою кочуют севернее линии станков, начиная от станка Рассоха и до станка Лабаз, а на север до 72° сев. шир. В марте они откочевывают на север и лето проводят по среднему течению р. Логаты, по р. Таймыру от устья р. Логаты до впадения в озеро. Часть уходит еще дальше за хр. Бырранга и, дойдя до камня Боронг Таас (долганское название), расположенного между 75 и 80° сев. шир., начинает возвращаться назад. Это самая северная из тавгийских групп. Вторая большая группа

Рис. 3. Фактория на Гольчихе.

Фото Н. А. Остроумова.

тавгийцев уходит на восток до восточного берега оз. Таймыра.

Ведеевские тавгийцы зимою кочуют севернее линии станков, начиная от станка Россомашья на север по правому берегу р. Рассохи, притока р. Новой, — до самой р. Новой. Летуют они в районе Малой и Большой Балахни и вокруг оз. Портнягино (см. карту расселения тавгийцев). Приводимые границы кочевания тавгийцев крайне относительны; трудно определить территорию при большой подвижности обитателей тундры.

Основами хозяйства тавгийцев являются оленеводство и охота.

Домашние олени служат надежным средством для передвижениях, и без них, при суровых климатических условиях тундры, изобилующей пургами, кочевая жизнь была бы невозможной, не говоря уже о том, что олень для человека — и пища и одежда.

По данным статистического учета 1930—1931 гг. (табл. 2), тавгийцы — наиболее богатые оленеводы среди населения, обитающего на территории, расположенной между Енисеем и Хатангой. Но слишком отрывочные данные учета не дают возможности подойти критически к этому вопросу и, за отсутствием более надежных сведений, приходится приводить цифры не всегда достоверные.

Количество оленей в 1930—1931 г.[1]

Таблица 2

Название национальных советов	Колич. хозяйств	Быков	Важенок	Молодняк до 3-х лет	Всего
Авамский	38	2323	2409	1552	6284
Таймырский	48	4551	4440	4000	12991
Ведеевский	33	1791	2081	1753	5625
Всего	119	8665	8930	7305	24900

Обеспеченность населения орудиями охоты и рыболовства, а также средствами передвижения, необходимыми при промыслах, по данным 1930—1931 гг., выражается в следующих цифрах (табл. 3).

Обеспеченность орудиями охоты и промысла

Таблица 3

Название национальных советов	Ружей				Капканов	Черканов	Пастей	Ставных сетей в м	Лыж	Нарт	Санок	Веток	Лодок
	нарезных	дробовых	шомполын.	кремневок									
Авамский . .	41	2	13	—	585	—	212	—	29	373	—	—	20
Таймырский .	17	3	41	14	149	—	1000	225	—	10	465	41	—
Ведеевский .	—	6	41	—	133	—	155	190	—	68	386	28	—
Всего . .	58	11	95	14	867	—	1367	415	29	451	851	69	20

[1] Выявить в цифрах классовый состав тавгийского населения не удалось, поэтому данные приводятся без соответствующих подразделений.

Продукция охоты и рыболовства в 1930—1931 г.

Таблица 4

Название групп	Добыто			Примечания
	песцов	диких оленей	белой рыбы в кгр.	
Авамские . . .	174	471*	1122	* Цифры сильно уменьшены; мясо диких оленей составляет основную пищу, заменяющую хлеб
Таймырские . .	285	214	640	
Ведеевские . .	299	510	862	
Всего . . .	758	1158	2624	

Бюджет населения

Таблица 5

Группы тавгийцев	Доходы (в руб.)				Расходы (в руб.)			
	Продажа пушнины	Второстепенные заготовки	Продажа оленей	Продажа рыбы	Питание	Одежда и обувь	Домашняя утварь	Орудия охоты и промысла
Авамские	5651	893	925	не учтено				
Таймырские . .	не учтено							
Ведеевские . . .	9890	4645	870	—	12780	139	289	685
Всего. . . .	16541	5538	1795	—	12780	139	289	685

Переходим к рассмотрению физического типа тавгийцев. Специально заняться антропологическими наблюдениями не удалось, поэтому приводим описание физического типа тавгийцев из статьи Б. Долгих «Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района».[1]

«1. Рост средний и ниже среднего; но во всяком случае выше соседей — эвенков и долган.

«2. Волосы и глаза темные, волосы прямые, жесткие. кожа светлая.

«3. Телосложение крепкое, с хорошо развитой мускулатурой; бросается в глаза выпуклая грудь, — пожалуй, оно даже атлетического типа, а не пикнического, как у юраков. Вследствие этого брахиморфность конечностей не выражена (поскольку об этом можно судить на-глаз).

[1] „Советская Азия" за 1929 г., № 2 (26), стр. 55—56.

«4. Лицо скуластое, средней ширины, но часто встречаются субъекты с сухими «индейскими» лицами.

«5. Обращает на себя внимание мощная четырехугольная челюсть, придающая физиономии самоедов [читай тавгийцев] «ня» сходство с патагонцами.

«6. Нос средней высоты, иногда высокий, часто с горбинкой. По сравнению с долганами и тунгусами, самоеды «ня» [читай тавгийцы] определенно производят впечатление более носатых.

«7. Черепа — брахицефальные.

«8. Довольно хорошо развиты надбровные дуги.

Рис 4. Тавгийское стойбище в лесотундре.
Фото Н. А. Остроумова.

«9. Сильная складка верхнего века, часто эпикантус, но разрез глаз менее косой, чем у тунгусов [читай эвенков].

«10. Губы тонкие.

«11. Волосяной покров слаб; ни бороды, ни усов самоеды «ня» [читай тавгийцы] не имеют.

«12. Последней отличительной чертой самоедов «ня» (тавгийцев. *А. П.*) является сходство их с енисейскими остяками («кэто»)».

Живут тавгийцы в безлесной тундре и даже зимою, когда холод вынуждает поселяться на окраине редколесья, они предпочитают открытые места. Тундра — родная стихия тавгийца, как знойные пески для бедуина.

Как летом, так и зимой тавгийцы живут в шестовых конусообразных чумах — мà (рис. 4 и 5), от 6 до 9 м в диаметре, в зависимости от числа обитателей. Зимние

чумы отличаются от летних, ровдужных двойною меховою покрышкой — ziej. Дверью — ŋuora служит простое продолжение покрышки чума.

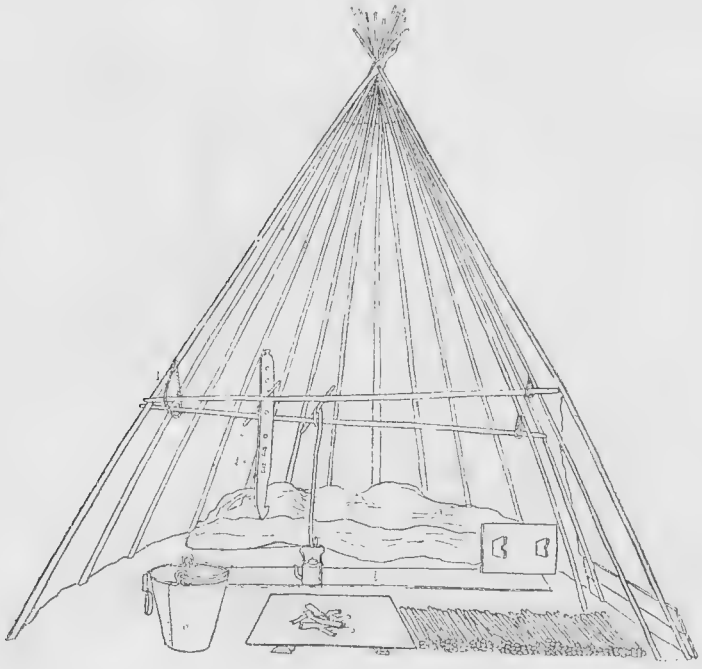


Рис. 5. Разрез чума.

Посредине чума располагается очаг — tūj, состоящий из железного листа, положенного на два полена — tori. По обеим сторонам входа, несколько отступя во внутрь, устанавливаются две жерди, к которым укрепляются горизонтально посредством веревок две палки — ria, противоположные концы которых привязываются к одной жерди cĭmkaj. На ria поперек кладутся палочки — niba, которые продеваются через отверстия деревянного крюка — huo, служащего для подвешивания над очагом котлов и чайников. Расстояние от очага до дверей устилается, в виде дорожки, поленьями. Если последних бывает много и они лежат в несколько рядов, то это для непривычного человека, при низкой двери и дыме, представляет при входе в чум большие неудобства.

Внутренность чума разделяется на две половины: по правую и левую стороны от входа. Пол около очага настилается досками — lojcu и особой решеткой, сплетеной из лучин — tuoj . Поверх tuoj настилают оленьи шкуры с низко

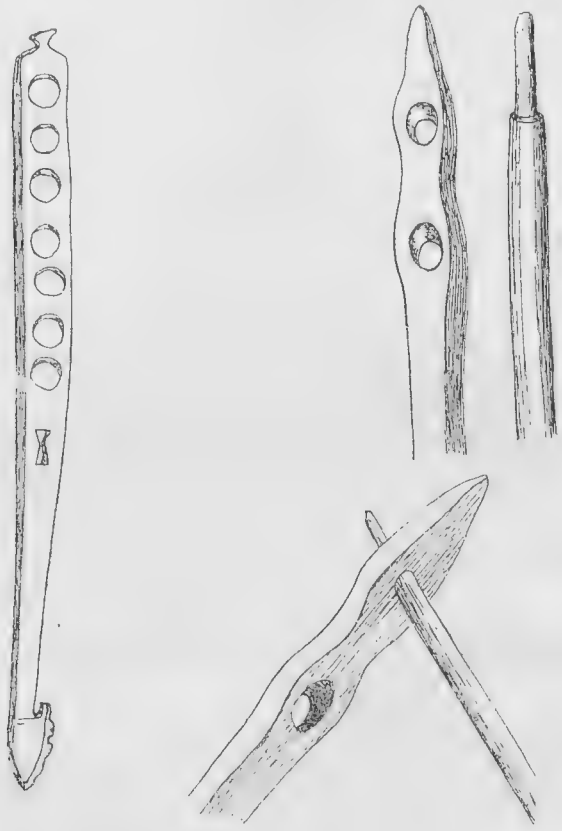


Рис. 6. Основные жерди чума и крюк для вешания котла.

подстриженной шерстью — huonsu и на них укладывают спальные оленьи шкуры, одеяла и мешки.

На полу, за очагом, на противоположной стороне чума, напротив двери ставится большой котел вместимостью в несколько ведер для льда и воды.

Правая сторона чума занимается хозяевами, на левой — располагаются взрослые члены семьи и подростки. Обычно в одном чуме живут две или три семьи, при этом правая

сторона отводится более почетным жильцам. Днем постели складываются и убираются к стенкам и на huonsu сидят.

Для женщин отводится место около двери, где также хранится пища и посуда и куда убирается маленький столик на низких ножках. В более устойчивых, живущих по старинному укладу семьях четырехугольные доски до сих пор служат столом.

Устанавливается чум следующим образом: берутся две основных жерди, одна из них имеет плоский конец с двумя

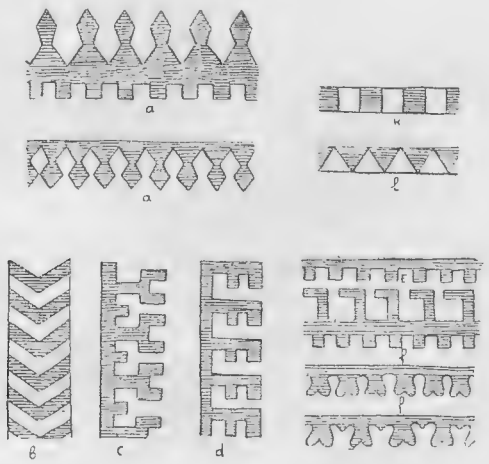


Рис. 7. Виды орнамента.

или тремя отверстиями на различной высоте. Конец второй жерди имеет выступы, соответствующие отверстиям первой жерди. Вторая жердь своим выступом продевается в одно из отверстий первой. После этого обе жерди устанавливаются в вертикальной плоскости и, таким образом, получается нечто в роде «вершины конуса».[1] На эту то вершину конуса опираются остальные чумовые жерди, образующие остов. Смотря по тому, в которое из отверстий первой жерди вставлена вторая, зависят и размеры чума: нижние отверстия дают большой диаметр (рис. 6).

---

[1] Название условное, потому что над вершиной большого конуса образуется обратный малый конус с вершиной внизу.

Материалом для одежды служат исключительно оленьи шкуры. Мануфактура почти не употребляется: она применяется только в небольшом количестве для украшения. Белая ткань вафельных полотенец идет на покрышки женских саней с высокими задками и передками, а белое и красное сукно — для аппликации костюмов. Для украшения одежды служит окраска кожи и шитье из подшейного оленьего волоса. Кроме того, в виде бордюров пришиваются к одежде узоры, вырезанные из покупного черного сафьяна.

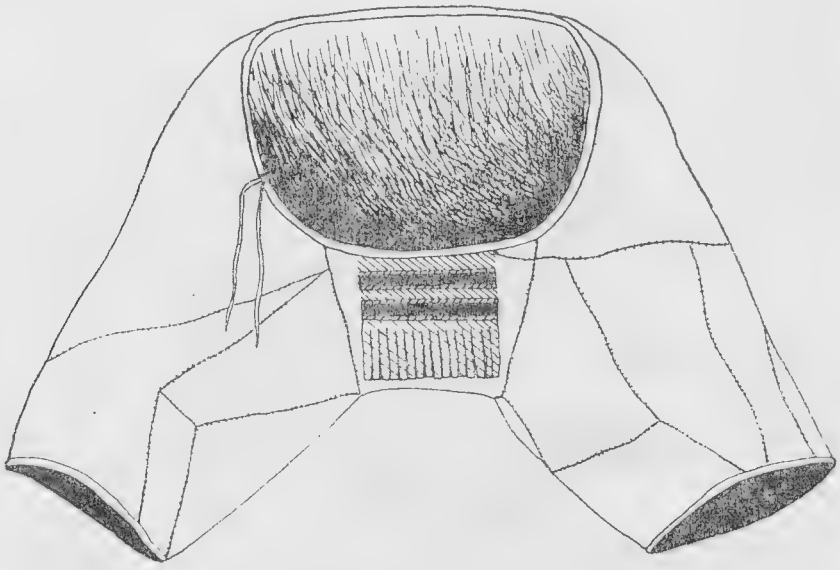


Рис. 8. Мужской верхний натазник.

В зависимости от внешнего вида тавгийский орнамент носит различные названия: 1) ʒyreki mojbuo — юрацкие головы (рис. 7a); 2) bojamoruoku — в виде медной пластинки — женское украшение (рис. 7b); 3) ʒindi s'jalāgu — головы куликов (рис. 7c); 4) icajguo — позвонки (рис. 7d); 5) cuŋkureku — тазовые кости (рис. 7e); 6) liepeke — пестрота облака (рис. 7f); 7) ʒutamьa — полоски (рис. 7k); 8) malagu — орнамент в виде чума (рис. 7h).[1]

---

[1] Все рисунки сделаны автором, причем на одежде сплошной заливкой показана черная окраска кожи, косой штриховкой — желтая окраска.

Мужская одежда состоит из следующих частей:

a) Ровдужный натазник — honie, сшитый наподобие трусиков.

b) Верхний натазник — niŋka (рис. 8), такого же вида и покроя, что и honie, но только сшитый из мохнатой шкуры оленя. На обоих видах натазников над половыми органами пришиваются снаружи ровдужные кисти, окрашенные желтым суриком и черной краской (графит?), или же расшитые у основания подшейным волосом оленя.

Рис. 9. Мужской пояс с ножом.

Оба натазника затягиваются ровдужным шнурком и, кроме того, верхний натазник затягивается кожаным ремнем tulьej (рис. 9) с подвешенным ножом в деревянных ножнах, часто разукрашенных резьбой.

c) Меховые сапоги — fajmu (рис. 10). Форма обуви крайне своеобразна, она не имеет спереди выема и напоминает в надетом виде лошадиную ногу. Обувь такой формы лучше сохраняет тепло, чем долганская, так как воздух, имеющийся в пространстве между стопой и стенкой обуви, служит хорошим изолятором от холода, но зато требует ежедневной просушки, так как передняя сторона изнутри, со стороны мездры, покрывается испариной. Fajmu посред-

ством двух ремешков подвязывается под коленом, а двумя подвязками спереди соединяется с поясом — ulьej. Летние fajmu по форме ничем не отличаются от зимних, но только шьются из ровдуги.

d) Малица с капюшоном — lī (рис. 11 и 12), заменяющая рубаху. Малица шьется из меха выпоротков

Рис. 10. Зимняя мужская обувь и палка из оленьего рога для выколачивания снега с обуви.

(новорожденных телят), украшается аппликацией из черного и красного сукна и орнаментируется нашивками из сафьяна, опоясывающими грудь и спину, а также подол; над двойною обшивкой из песцового или белого собачьего меха проводятся черные и белые линии. Кроме того, подмышки также окрашиваются в желтый цвет. На спине малицы пришиваются ровдужные кисти, пестро окрашенные в несколько цветов. Волосы, упавшие при чесании, сверты-

ваются в клубок и привязываются к концам кистей. При передаче малицы другому лицу кисти, имеющие подвязанные волосы, отпарывают и оставляют у себя.

Внутри чума малица надевается в том случае, когда в пургу из-за отсутствия дров делается холодно. Остальное время при жарко натопленном очаге мужчины обычно сидят только в одних трусиках и обуви.

e) Совик — hik (рис. 13), сшитый из белых и черных оленьих шкур. Совик по своему покрою очень близок к малице, но отличается от нее тем, что шьется шерстью наружу. На верху капюшона, спереди, имеется пришитый стоймя отросток из оленьего хвоста. Снимая с себя совик, тянут его вверх руками за этот отросток. На спине совика пришиваются кисти из красного сукна. Совик — верхняя одежда, заменяющая шубу; надевается она только на улице поверх малицы. Как малица, так и совик шьются в обтяжку и очень плотно прилегают к телу, тем самым гораздо лучше предохраняя от мороза, нежели широкий долганский или юрацкий совик.

Женская одежда состоит из следующих частей:

a) Нижний ровдужный натазник — honie такого же покроя, что и мужской.

b) Сочетание корсажа со штанами — bojam (рис. 14), с полулунными орнаментированными пластинками из желтой меди на груди и спереди бедер с нашитыми в ряд медными трубочками — игольниками и кольцами. С правой стороны к нагруднику пришиваются на длинной цепочке железная ковырялка и огниво для курительной трубки, с левой — на длинных ремешках медные трубки — игольники с круглыми бляхами на концах. Эта одежда спереди также имеет прошивные ровдужные кисти.

c) Такое же сочетание корсажа со штанами (рис. 15), мехом внутрь. Вместо медных подвесок на груди и на бедрах, оно расшито волосом и раскрашено суриком и черной краской. С правой стороны эта одежда имеет отверстие, через которое пропускается ковырялка и огниво нижнего комбинэ. Кисти, окрашенные в черный и желтый цвета, также имеются спереди.

d) Liherie — верхняя одежда с разрезом, соответствует мужской малице (рис. 16). Шьется она из шкур белых

Рис. 11. Мужская малица (вид спереди)

и черных выпоротков, с украшениями из черного и красного сукна, с нашивками из сафьяна и окрашивается в черный и желтый цвета. Подол liherie обшивается в два ряда песцовой или белой собачьей шкурой; на спине имеются кисти.

e) Lūn — короткая доха, с разрезом, надевается сверху, соответствует по своему назначению мужскому совику; шьется из белых и черных оленьих шкур.

f) Шапка — somu заменяет у женщин отсутствующий капюшон. Шапка имеет вид капора и шьется из белого выпоротка с опушкой из черной собачьей шкуры (рис. 17а) или из белого сукна, с украшениями из сукна в виде чер-

Рис. 11a. Мужская малица (вид сзади).

ных и красных линий, с опушкой из черной собачьей шкуры (рис. 17b).

k) Fajmu — верхняя зимняя обувь из камусов и летняя из ровдуги и tьŋada — чулки из оленьей шкуры. Женская обувь по форме сходна с мужской, но короче и доходит только до колен, где закрепляется посредством вязок.

l) Ŋuqu — рукавицы, как женские, так и мужские, шьются из оленьих камусов.

Детская одежда по своему покрою совершенно одинакова с одеждой взрослых и отличается только размерами.

Постель — solgьn состоит из оленьих шкур и общего семейного одеяла — kȳj, сшитого из оленьих шкур. Вверху

Рис. 12. Мужская малица (вид спереди).

одеяла имеются вязки, посредством которых одеяло привязывается к жердям чума. В ногах одеяло имеет форму мешка. Таким образом получается как бы низкий полог, в который залезают отец и мать вместе с детьми-подростками.

При поездках мужчины возят с собою «кукуль» — lьmi (рис. 18), оленью шкуру, зашитую снизу в виде квадратного мешка с особым орнаментом. Мужчины ездят на санках, поджав под себя ноги, и при этом засовывают скрещенные ноги во внутрь «кукуля».

Siemi kunsi — снеговые очки, состоят из двух металлических иногда серебряных пластинок с узким прорезом по-

Рис. 12а. Мужская малица (вид сзади).

средине, зашитых в кожаную ленту с двумя отверстиями. Концы ленты завязываются на затылке (рис. 19).

Основную пищу тавгийцев составляют мясо и рыба, последняя имеет второстепенное значение. Мясо — ŋьmsa диких оленей употребляется в пищу в вяленом виде, в форме узких и длинных кусков — сугуby и мелких кусочков — ŋilimi (соответствует долганскому өlykte). Вяление является наиболее распространенным способом консервирования пищевых продуктов.

У тавгийцев в большом распространении употребление сырого мяса свежего или мороженого. Холодное вареное мясо употребляется как закуска к чаю. Мясной и рыб-

Рис. 13. Мужской совик (вид спереди).

ный бульон употребляется в пищу только в исключительных случаях — при недостатке чая.

Из костей вываривается жир, который употребляется или вместе с ŋilimi или отдельно в твердом мороженом состоянии, разрубленный на мелкие кусочки. Большим лакомством считается головной и костный мозг оленя и глаза, которые высасываются в сыром виде.

В большом употреблении топленый гусиный жир. Песцовое мясо употребляется тавгийцами в пищу в вареном, сыром и замороженном виде.

Рыбы — чир, нельма, максун и кунжа, только-что выловленные, идут в пищу сырыми. Иногда рыба жарится на

Рис. 13а. Мужской совик (вид сзади).

рожнах, варится или мерзлой приготовляется в виде так называемой «строганины».

Вяленая рыба приготовляется в виде юколы — jukāla, представляющей двойную полосу из спинной части, а также в виде «павлинок» — huokkь,— рыба, распластанная целиком, но без костей. Варятся и толкутся рыбьи пупки, затем смешиваются с рыбьим жиром — получается излюбленное блюдо — bārkь варка, которую хранят в мешочках из оленьего желудка.

Тавгийцы очень мало употребляют хлеб (всегда привозный в виде сухарей и сушек) и при этом предпочитают ржаные сухари. Вместе с тем в государственных торговых

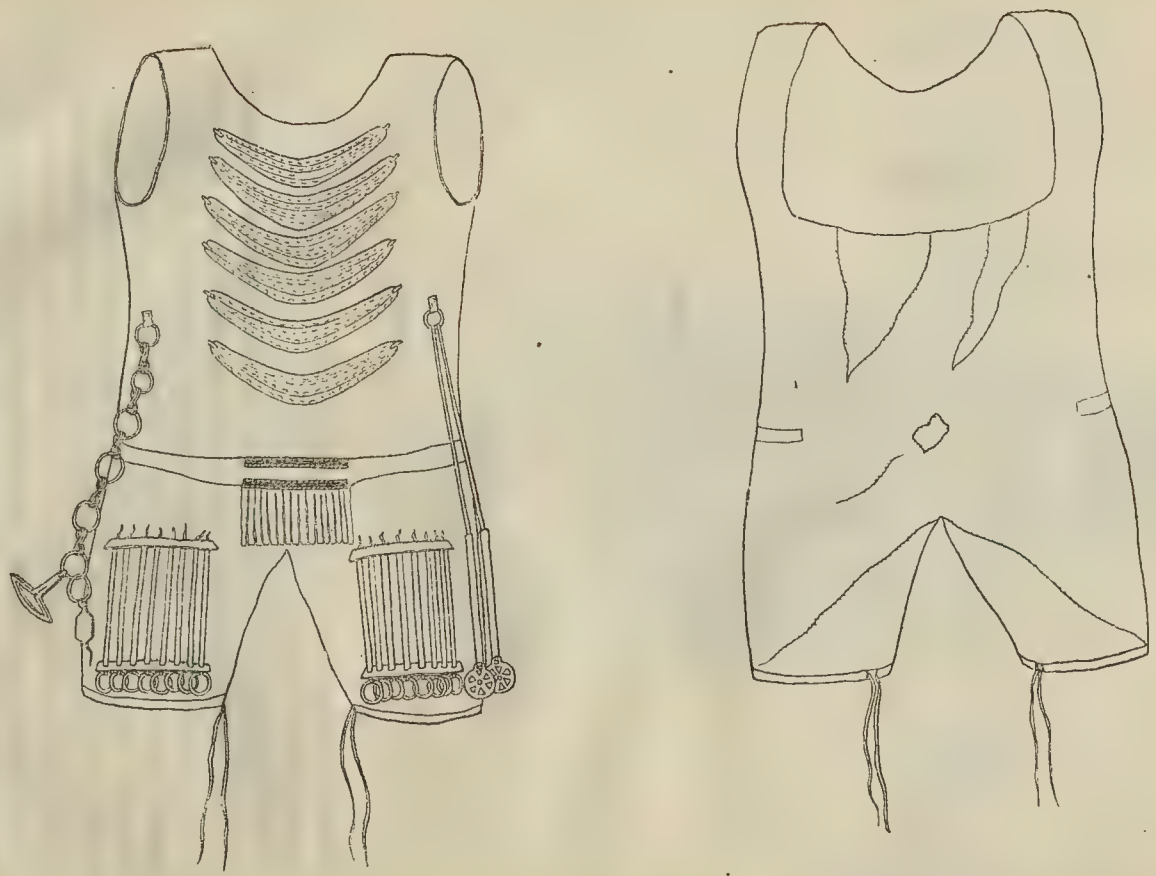


Рис 14. Нижнее женское комбинэ (вид спереди и сзади).

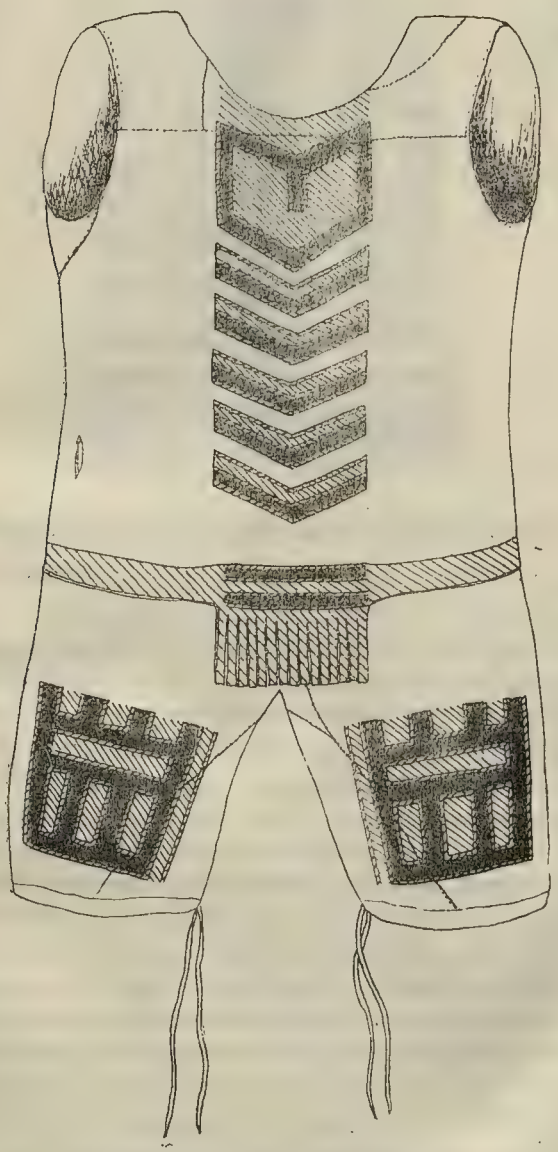


Рис. 15. Верхнее женское комбинэ.

Рис. 14. Нижнее женское комбинэ (вид спереди и сзади).

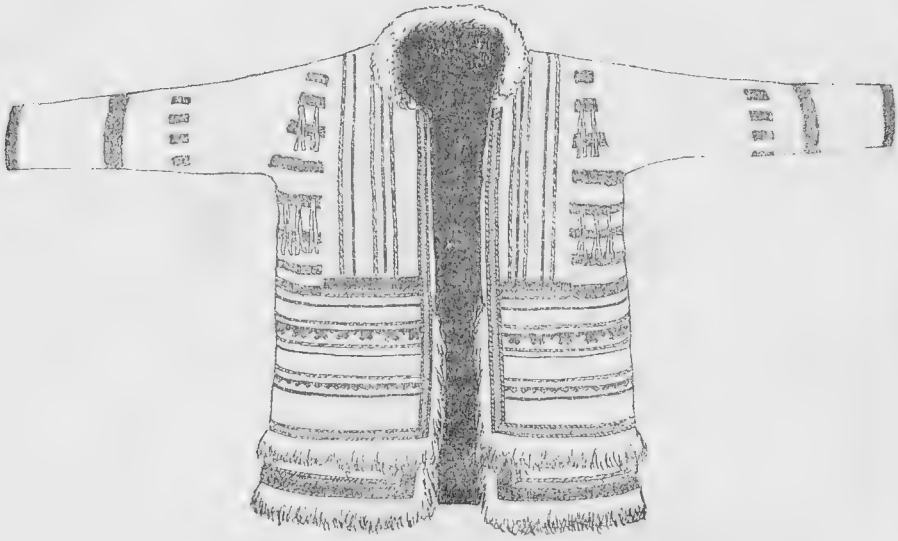


Рис. 16. Женская меховая верхняя одежда (вид спереди).

пунктах и в кооперации они покупают много сладостей: сахара, конфект и особенно пряников; любят соль, в то время как их ближайшие соседи — долгане соли употребляют мало, только с чаем.

Из напитков наибольшей любовью пользуется кирпичный чай, употребляемый в огромном количестве. В царское время большое распространение имела водка.

Из наркотиков сильно распространен листовой табак — *ŋomu*, который курят, нюхают и закладывают за щеку. В последнем случае лист предварительно скатывают в шарик, затем, положив его в рот за десну, выдергивают пучок шерсти из собачьей или песцовой опушки подола малицы, тоже скатывают между ладонями в клубок и закладывают поверх положенного на десну табачного шарика. Такое употребление табака вызывает обильное выделение темнозеленой слюны, которую бесцеремонно выплевывают по чуму.

Употребляют табак все без исключения с раннего возраста. Неприятно бывает смотреть на двух- или трехлетнего малыша, раскуривающего из большой своеобразной формы трубки, сделанной обычно из мамонтовой кости (рис. 20).

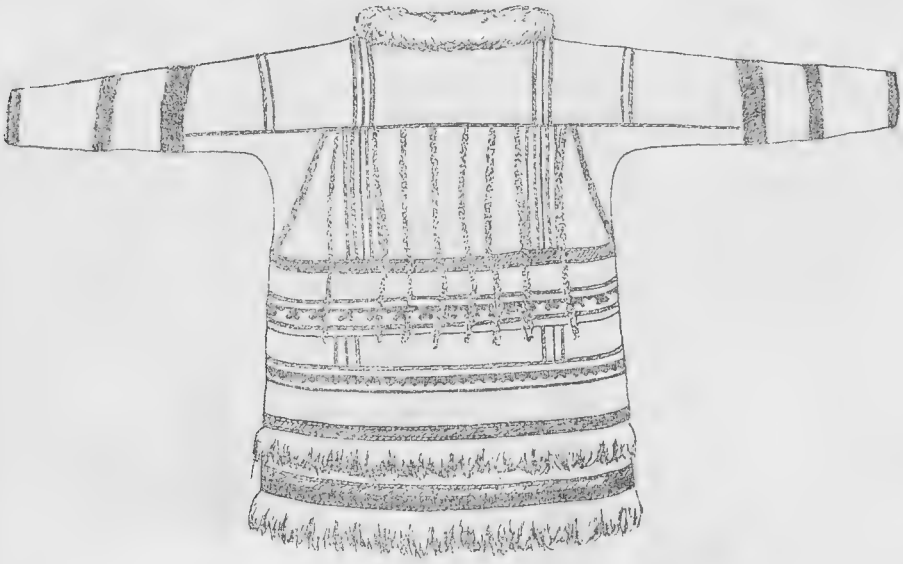


Рис. 16а. Женская меховая верхняя одежда (вид сзади).

II

Только два вида домашних животных известны тавгийцам — домашний олень и собака. Тавгийский олень маленький, низкорослый, но плотный и хорошо упитанный; уступая в силе долганскому оленю, он отличается выносливостью. Преобладающая масть тавгийского оленя — светлая, пестрая или белая.

Олень употребляется как летом, так и зимой исключительно как упряжное животное. Вызвано это тем, что тавгийцы к верховой езде непривычны. Исключение составляют немногие ведеевские тавгийцы, в самое последнее время заимствовавшие этот способ езды верхом у долган. Основное отличие тавгийской оленьей упряжки от долганской и тунгусской заключается в управлении слева, посредством возжи, идущей с левой стороны, в то время как у южных соседей тавгийцев возжа идет с правой стороны, и олени управляются с правой стороны.

Пояса (лямки) qutar шьются из кожи и набиваются оленьим волосом. Впрочем, в настоящее время они вытесняются сафьяновыми поясами (рис. 21).

Олени припрягаются к санкам ровдужными постромками, продетыми через костяные или деревянные кольца. Запрягают вместе от двух до восьми оленей.

У тавгийцев встречаются три разновидности саней: 1) kьnta — женские санки с тремя копыльями, с высоким задком и передком. Они обычно закрываются нарядным пологом из белой полотеничной вафельной ткани с кистями из красного сукна и медными бляхами (рис. 22); 2) kьnta — грузовые сани, имеющие низкие копылья, числом от 4 до 5, причем иногда четырехкопыльные служат для езды и

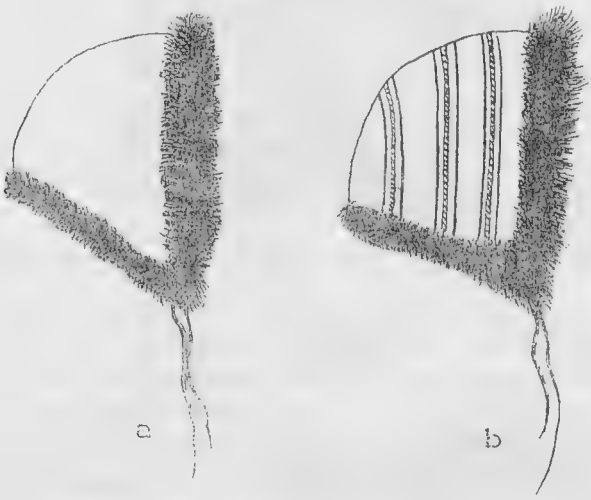


Рис. 17. Женские шапки.

летом (рис. 23); 3) ireŋka — санки о двух парах копыльев без досчатого настила на сиденьи (рис. 24), употребляются специально для чумовых жердей и для дров.

Не менее ценным домашним животным для тавгийцев является собака, — она незаменимый помощник при собирании оленьих стад, особенно в пургу. Тавгийские собаки особой породы — маленькие, коротконогие, белые, как снег, напоминают песцов. Тавгийские собаки охотно и за дорогую цену покупаются долганами и тунгусами. Собачьи, как и оленьи шкуры, употребляются на одежду.

Своеобразную картину представляет тавгиец, едущий собирать оленей: с ним обычно четыре или пять собак, которых он берет с собой в санки.

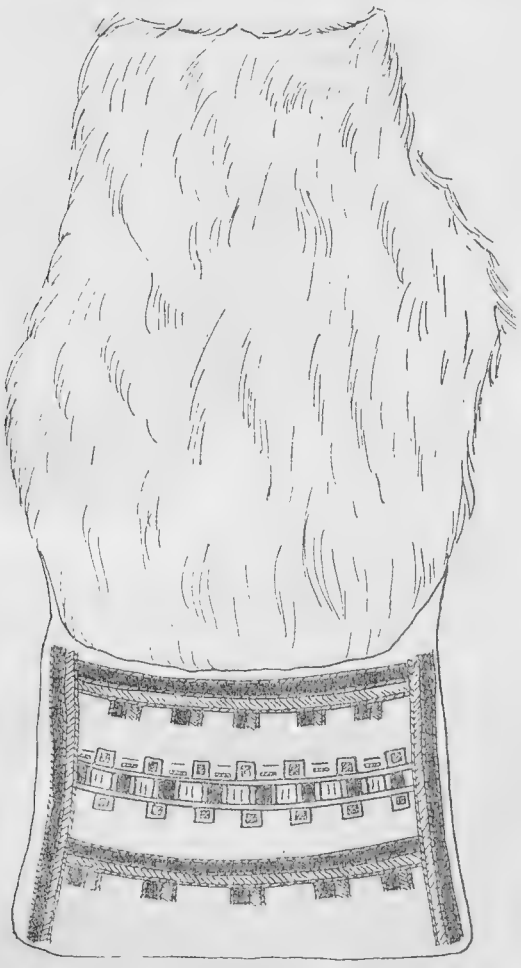


Рис. 18. „Кукуль"—мешок для ног при езде на санках.

Трудно найти в Сибири какую-либо другую этнографическую группу, так хорошо относящуюся к собакам, как тавгийцы. При входе в чум поражает прежде всего изобилие собак всевозможных возрастов. Собаки эти свободно разгуливают по столам и постелям; их не выгоняют на улицу, особенно в холодное время года; день и ночь они в чуме. Ежедневно утром и вечером их кормят, и из той же посуды, из которой едят люди.

Если долган можно назвать охотниками, то еще большее право на это название имеют тавгийцы. С детских лет тавгиец приучается к охоте. Это и вполне понятно — только охота может обеспечить в суровых климатических условиях тундры тавгийца и пищей и одеждой, при этом бедняка так же, как и более обеспеченного.

Одно из важнейших мест в экономике тавгийцев занимает охота на диких оленей. Существуют несколько видов

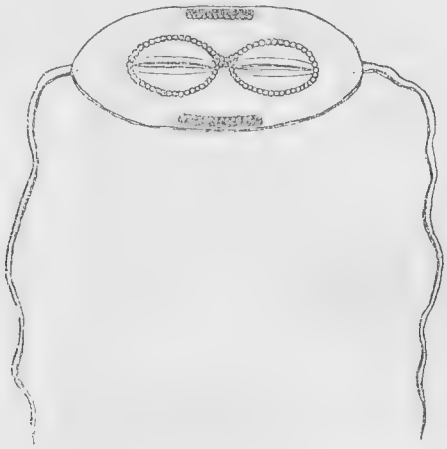


Рис. 19. Снеговые очки.

охоты: часто охотятся с ружьем, подкрадываясь к оленю на близкое расстояние — 80 шагов под прикрытием деревянного щита, залепленного снегом, а иногда покрытого белой материей и поставленного на деревянные полозья-лыжи, или же без щита, но с прикрепленным к ружью костяным полозом для устойчивости (рис. 25). Иногда загоняют добычу до полного утомления, преследуя дикого оленя в легких санках, запряженных четырьмя сильными, выносливыми оленями.

Под весну добывают диких оленей специальными сетями — bugur, сплетенными из тонких кожаных ремней. Для этого втыкают в снегу колья вышиною около метра в виде суживающейся аллеи на протяжении нескольких километров. Расстояние между кольями к концу аллеи все уменьшается. Наверху каждого колышка привязываются перья или длинные тряпичные лоскутья. На суживающийся

конец аллеи натягивается сеть длиною около 300 м и вышиною около 2 м, соответственно с этим и колышки аллеи, к которым прикрепляется сеть, ставят более высокие.

Когда загон устроен, несколько охотников с копьями и луками прячутся вдоль стенок снаружи сети. Несколько

Рис. 20. Курительная трубка из мамонтовой кости.

искусных погонщиков очень осторожно, сменяя друг друга, начинают загонять намеченное стадо оленей, стараясь направить его по аллее.

Рис. 21. Оленья упряжь.

Фото Н. А. Остроумова.

Когда стадо загнано, олени не решаются пробегать между колышками, боясь шевелящихся от ветра перьев и тряпок, и направляются прямо вдоль аллеи к суженному концу, где натянута сеть. До того, как стадо успеет достигнуть сетчатой перегородки, многие олени падают жертвою стрел сидящих в засаде охотников. Когда же стадо

Рис. 22. Женские санки.
Фото Н. А. Остроумова.

достигнет тупика, охотники смело врезываются в середину и закалывают оленей копьями.

Стада диких оленей осенью, следуя с севера на юг, идут из года в год определенными путями, и тавгийцам с давних

Рис. 23. Мужские санки.
Фото Н. А. Остроумова.

пор известны места переправы стад через большие реки тундры. Тавгийцы заранее собираются к этим местам. К ним в качестве «гостей», с целью поживиться добычей, приезжают также и долгане.

Большими стадами спускаются олени к реке, следуя по руслу ручейка, впадающего в реку. Предаврительно они высылают вперед отряд из нескольких десятков старых

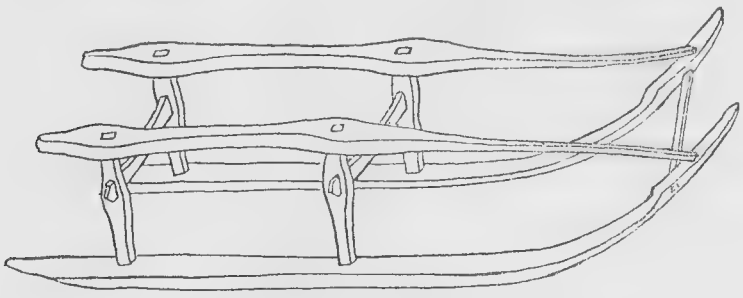


Рис. 24. Санки для перевозки жердей чума.

самцов. Охотники сидят в челноках, укрывшись от этого передового стада, и пропускают его, но когда остальная масса оленей заполнит реку, тавгийцы быстро выплывают

Рис. 25. Ружье с полозом.
Фото Н. А. Остроумова.

вперед, стараясь пресечь путь оленям. Затем несколько наиболее опытных охотников, вооруженных копьями с длинными древками, врезываются в середину плывущих оленей и начинают с удивительной быстротой и ловкостью закалывать их. Часть охотников у берега добивает раненых оленей.

После коллективной охоты на оленей туши делятся между всеми участниками. При этом не принимается в рас-

чет количество членов семьи, а лучшие из охотников получают большую долю.

В ноябре, когда наступает период порозования (гонки) диких оленей, дикие олени сами прибегают в большие стада домашних оленей и, когда они смешиваются со стадами, их убивают из ружей.

В этот же период времени к самцам дикого оленя на длинной веревке подпускают вперед важенку домашнего оленя, специально приручаемую для этой цели. Охотник подвигается сзади под прикрытием своего упряжного оленя, держа в руке веревку переднего, и стреляет в дикого оленя, близко подошедшего к «маньщику» (приманке).

На дикого оленя охотятся также с ружьем, выслеживая его пешком. Летом надевают серую малицу. Зимней одеждой охотника служит при такой же охоте белый совик с нагрудником из собачьей шкуры для того, чтобы при ползании по снегу не было шума. Как в первом, так и во втором случаях цвет одежды является защитным.

Одиночные охотники встают рано по-утру и уходят без еды, охотясь до позднего вечера, не приготовляя пищи, и только убив оленя, подкрепляются его сырым мясом.

Накануне охоты в чум вносят охотничьего шайтана[1] (изображение духа) и окуривают его кусочками жира, брошенными на горячие угли. Убив дикого оленя, сейчас же отрезают ему уши, вырезывают глаза и оставляют их на месте, чтобы следующие олени «не видели и не слышали». При удачной охоте кусочки жира убитого оленя кладут в шайтанный ящик и бросают в огонь. Женщинам не позволяют топтать пролитую кровь дикого оленя, а также и следы саней, на которых привезли тушу. Это из боязни, что дикие олени перестанут тогда попадаться.

Песцов ловят капканами, которые укрепляют в снегу посредством особых «якорей» из оленьего рога. Пасти — деревянные ловушки — сравнительно мало распространены.

Осенью авамские тавгийцы в месяц установления пастей на «сопке» убивают белого олененка удушением.

Настораживая капкан, тавгиец делает вид, что попадает ногою в капкан и некоторое время скачет на одной ноге.

---

1 Тавгийцы приняли татарское слово „шайтан".

Волков и песцов травят ядом, при этом охотник, бросая приманку, делает вид, что сам съедает ее, затем падает на спину, хрипит и дергается руками и ногами, как бы в смертельных конвульсиях, этим магическим путем навлекая смерть на волка или песца.

Зимою охотятся на куропаток, загоняя их в расставленные в снегу сети, летом гусей на лету убивают из луков и ружей, травят их собаками, или загоняют в сети. [1]

Рыбу ловят ставными сетями — «пущальнями», покупаемыми в кооперации и у долган.

Оленеводство, с одной стороны, и охота, с другой — обусловливают кочевой образ жизни тавгийцев.

Когда в тундре еще зима, в середине марта или в начале апреля тавгийцы начинают покидать места своих зимних кочевий, постепенно подвигаясь на север к летним местам обитания, в то время как южные соседи их — долгане собираются в путь гораздо позже.

Во избежание беспорядочных кочевий, запугивающих песцов и диких оленей, сроки оставления зимних стоянок отдельными хозяйствами строго регулируются властями (раньше князьцами, теперь председателями советов). К зимним стойбищам возвращаются в октябре или в ноябре.

В среднем дневной переход при кочеваниях не превышает 20 км.

Красивую картину представляет собою караван — zijku (по местному-русскому — аргиш).

На легкой нарте впереди едет вожак-водитель каравана, обычно старший в семье, человек опытный и хорошо знающий места. За ним следует привязанная сзади шайтанья нарта — хранилище святынь, состоящих из священных камней и деревянных изображений духов. За ней идут мужские санки, затем женские с высокими задками и передками, напоминающими гигантские седла. Далее движется цепь грузовых санок, содержащих одежду, съестные припасы, чум, и, наконец, дрова. За караваном гонят свободных оленей.

С наступлением вечера караван останавливается на отдых. Женщины распрягают оленей, сооружают чум, рубят

---

1 Подробное описание этого способа охоты и рисунок предполагаю дать в работе о долганах.

дрова, расставляют внутри чума утварь и занимаются другими мелкими делами. Мужчины в это время остаются лишь спокойными созерцателями. Если же в виду непогоды установка чума затягивается, мужчины приволакивают свои санки поближе одни к другим, садятся на них, поджав под себя ноги, и, засунув их в кукуль, слушают бесконечные рассказы сказочников.

Но вот чум установлен, женщины внесли постели и разложили необходимые вещи, весело потрескивает огонь, согревая ведерные медные чайники и котлы, наполненные оленьим или песцовым мясом.

В ожидании ужина обитатели чума курят табак, почесывают тело, покусывая зубами своих собственных паразитов, оживленно делятся впечатлениями проведенного дня.

Густой кирпичный чай закипел, мясо сварилось. Хозяйка, отгоняя целую свору собак, обступающих деревянную сельницу (рис. 26) с мясом, раскладывает грудами кусочки мяса и расставляет немытые чашки. Все разговоры мгновенно затихают, только слышится аппетитное чавканье, и острые ножи, с жутким для непривычного взгляда блеском, с молниеносной быстротой отрезают кусочки мяса снизу вверх перед самыми губами и носом едоков. Немного позже происходит вторая такая же трапеза, и день кончается.

Утром, раньше всех, встают и уходят охотники. Тавгийцы не умывают лицо, не говоря уже о других частях тела. Маленькие дети бегают голышом, черные, как сажа, от покрывающей их грязи. Женщины часто имеют своеобразные пестрые лица от шелушения образовавшейся грязевой корки. Мужчины изредка, один раз в месяц, в те знаменательные дни, когда нужно бывает съездить на факторию к русским, изо рта смачивают водою лица.

Утром, после неизбежных чая и мяса, если предполагается отдыхать еще день или два, население чума занимается своими обычными работами: мужчины присматривают за оленями, починяют санки, упряжь и т. д. Женщины чинят одежду и выполняют разные мелкие работы по хозяйству. Наконец, занимаются «гостеванием» к «соседям» за 100, 200 и более километров.

Неприятно сидеть в тавгийском чуме в пургу. Так как кочевать в пургу не представляется возможным, то прихо-

дится ожидать прояснения погоды. Это продолжается иногда целыми неделями. В такое время огонь разводят только для согревания пищи. В чуме холодно, как и вне чума, и обитатели его тогда целыми днями отлеживаются под теплыми одеялами.

Такова повседневная жизнь обитателя тундры — тавгийца.

В результате суровой борьбы с природой у тавгийцев выработались специфические черты характера: расчетливость, бережливость, не исключающая, однако, столь необходимой в северных условиях взаимопомощи.

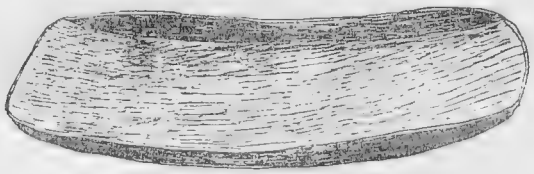


Рис. 26. Деревянная сельница.

В случае обеднения семьи на общем сходе решают дать ее на прокорм одному из богачей на год. Если у бедняка есть дети, их берут на воспитание другие семьи до тех пор, пока они не достигнут совершеннолетия, после которого им вменяется в обязанность содержать своих родителей. Такое вспомоществование обедневшему считается по обычному праву тавгийцев обязанностью, и бедняк со своей стороны не должен впоследствии возвращать расходы, затраченные на его содержание. Но, с другой стороны, такое положение неизбежно приводит бедняков к материальной зависимости от «облагодетельствовавших» их лиц и имеет иногда последствием ловко прикрытые формы эксплоатации в виде услуг, что не сознается часто и самими бедняками.

Самое ценное имущество — олени зимою отмечаются «тамгами», знаками собственности, вырезаемыми ножом на шерсти под левой лопаткой, а также фигурными разрезами уха. Каждый из сыновей в семье, за исключением младшего, имеет особый знак собственности, которым отмечает принадлежащих ему оленей. Младшему в семье после

смерти отца переходят все олени, не имеющие знаков других членов семьи, а следовательно, и знак собственности отца.

Как большинство первобытных народов, тавгийцы отличаются честностью. Всякая найденная вещь возвращается его владельцу, причем последний должен обязательно чем-нибудь одарить нашедшего вещь. Подарок должен быть дешевле найденной вещи.

Возникающие недоразумения разбираются на общих сходках, и если на этих сходках присутствует чужеродец или иноземец, как например долган или тунгус, после обсуждения дела обращаются за советом к нему, и мнение его решает дело.[1]

Браки у тавгийцев совершаются рано: девушек выдают 13—14 лет, мужчины женятся в этом же возрасте (рис. 27).

До самого последнего времени существовало многоженство, каждый богатый тавгиец мог иметь до трех жен. В зависимости от достатка мужа каждая из жен могла жить самостоятельным хозяйством в отдельном чуме. Эти чумы устанавливались на одном стойбище, муж ночевал у каждой жены поочередно. Из жен наибольшим уважением пользовалась самая старшая, но, надо полагать, что это не всегда так бывало. Например, как мне удалось наблюдать у тавгийца Дюхадие, имевшего трех жен, бóльшей симпатией пользовалась вторая жена.

В настоящее время многоженство считается предосудительным. Среди тавгийцев мне известны теперь только два случая многоженства: один у ведеевских, другой у авамских. Последний случай — многоженство шамана объясняется, по его словам, религиозными мотивами.

Среди тавгийцев господствует экзогамия и совершенно не допускаются браки с чужеземцами. Преобладает форма обменного брака — двое женятся, обмениваясь сестрами. Жених может обменять на невесту из другого рода свою сестру или племянницу. Но сын не может взять жену из рода отца или матери. Младший брат не может жениться на девушке из рода жены своего старшего брата. В случае

[1] Так же, как и у долган.

смерти старшего брата на вдове женится младший брат ее мужа, так как она не должна уходить в чужой род в виду того, что она приобретена за цену калыма. При таком браке

Рис. 27. Тавгийка-невеста.

Фото Н. А. Остроумова.

никаких свадебных обрядов не совершается. Старший брат не может жениться на вдове младшего своего брата, так как он является как бы вторым отцом для нее. Вдовец должен жениться на младшей сестре своей умершей жены, но старшей из всех живых младших сестер жены. Браки не допускаются между родом мужа сестры и родом жены брата; нельзя жениться на мачехе, тетке и сестре.

У тавгийцев существуют следующие «семейные запреты». Зять не должен называть своего тестя по имени и в обращениях говорит ему «они». Например, если зять хочет спросить, откуда приехал тесть, он говорит: «откуда они приехали?» Тесть на это отвечает «мы приехали из такой-то местности». Когда зять и тесть едут вместе, то стесняются оправляться на виду друг у друга.

Зять может обращаться к теще только через посредство третьего лица. Невестка ничего не может передавать в руки свекру, а ставит или кладет вещи перед ним на пол. Невестка не может показывать обнаженных ног свекру и свекрови.

Кроме семейных запретов существуют и общие. Так, например, парни девушкам, а девушки парням не показывают ногтей своих ножных пальцев. Как женщины, так и мужчины никогда сами не произносят своего имени, а когда у них спрашивают об имени, они отвечают: «не знаю». По имени может назвать их, в их присутствии, только кто-либо старший по возрасту.

Брачные обряды происходят следующим образом: жених просит одного из старших уважаемых людей быть ему сватом. Сват отправляется к отцу невесты и дарит ему волчью шкуру. Если отец невесты настроен против жениха, то он не принимает подарка.

В случае согласия отца, сват на другой день снова приезжает к нему в чум, причем не заходит до тех пор, пока отец невесты не скажет, сколько ему следует получить от свата за право входа. Войдя в чум, сват снова одаривает родителей невесты и невесту, затем сговаривается относительно калыма.

Женщина расценивается среди тавгийцев главным образом как рабочая сила, поэтому неудивительно, что родители ее стараются взять побольше калыма со своего будущего зятя.

В калым входят: шкурки дорогих зверей — белых и голубых песцов, волков, иногда и лисиц, приобретаемых у долган, домашняя утварь, а также олени.

Когда размер калыма установлен, сват уговаривается с отцом невесты относительно приданого. Невеста должна привести с собой от 8 до 20 санок в парной упряжке, на-

груженных различными вещами, необходимыми для хозяйства: с двумя нюками (покрышками для чумов) — зимним и летним, посудой, женским костюмом и полным коплектом мужской нарядной одежды, сшитой невестой специально для жениха.

Переговоры относительно калыма между отцом невесты и сватом часто затягиваются на несколько месяцев. Впоследствии сват за свои хлопоты получает от жениха одного оленя.

Рис. 28. Тавгийская семья.
Фото Н. А. Остроумова.

В установленный день жених приводит на длинном ремне подвязанных гуськом оленей калыма, причем впереди идут лучшие, затем худшие: тощие и мелкие.

Вручив оленей и другие вещи (калым) своему будущему тестю, жених увозит невесту. Последняя везет за собою на привязи санки с приданым. Приехав к чуму отца жениха, невеста трижды по солнцу объезжает чум кругом.

Брачная ночь проводится молодыми в особом чуме, привезенном и установленном невестой. Невеста приготовляет брачное ложе и первая ложится в постель, ожидая прихода жениха.

Утром муж надевает одежду, привезенную накануне женою, берет от нее лук со стрелами и отправляется на охоту, чтобы из мяса дикого оленя устроить угощенье. В случае неудачной охоты удушают домашнего оленя.

Перед охотой, утром, жена смазывает волосы мужа жиром и расчесывает, оставляя посредине ряд, и вплетает около ушей спереди медные бляхи или пуговицы, нанизанные в нитку вместе с бусами. Этим и ограничиваются свадебные обряды. (Рис. 28).

Браки у тавгийцев расторгаются очень легко, мужу разрешается покинуть жену в случае ее бесплодия или неверности. При этом взамен оставленной жены муж может получить ее младшую сестру или племянницу. Если этот вариант не осуществляется, то муж получает калым обратно и брак считается расторгнутым.

Беременная женщина считается нечистой, ей запрещают переходить через свежие следы зверя. При этом говорят: «Осквернит наше счастье». В последние месяцы она никуда не может выходить: между нею и мужем никому не разрешается проходить, кормят ее исключительно мясом оленя. Тавгийцы думают, что удачное разрешение родов зависит от хозяина луны, поэтому молятся луне, кланяясь ей утром и вечером, говорят «Помоги нам, от тебя зависят благополучные роды».

«Бабушку» лично приглашает муж беременной и во время ее пребывания всячески ухаживает за ней, впоследствии же сам отвозит ее назад.

Для того, чтобы роженица находилась в тепле, против места ее лежания с наружной стороны нюка сгребают много снега, затем снег натаскивают также и в чум, насыпают и утрамбовывают его в виде ложа на том месте, где должны происходить роды, и сверху настилают много шкур чтобы роженице не было холодно сидеть.

Вокруг этого ложа, на некотором расстоянии, из снега же устраивают низенькую насыпь в виде забора, чтобы не могла перейти нечистота роженицы.

Перед самыми родами муж беременной срезает колышек и устанавливает его наклонно, привязывая верхним концом к чумовому шесту. Роды происходят в том же чуме, где проживают все, причем из чума выходят только нежена-

тые мужчины. Женщина рожает сама, без помощи бабки, держась обеими руками за колышек и стоя на коленях.

Когда младенец появится на свет, бабушка берет его и умывает. В семьях более примитивных по существующему обычаю роженица в течение трех дней держит ребенка у себя за пазухой.

Уход бабушки за роженицей заключается исключительно в подаче ей пищи, причем пища подается в негодной старой посуде, так как эта посуда должна быть выброшена затем как «нечистая». Бабушка, когда нужно кормить роженицу, посуду с едой ставит на конец длинной доски и издалека протягивает роженице, боясь нечистоты.

До совершения очистительного обряда снеговая перегородка изолирует роженицу; от нее отгоняют даже собак. Бабушка, несмотря на то, что не прикасается к роженице, считается нечистой и не может иметь дело с огнем. Она остается в чуме роженицы до тех пор, пока у ребенка не отвалится пуповина. Через три дня после родов совершается обряд первого очищения. На сковороду с горячими угольями кладут или жиру, или смолы, или собачьей шерсти и все присутствующие подходят по очереди и держат руки над дымом. Более тщательно окуриваются роженица, ребенок и бабушка.

В этот же день совершается угощение с убиением оленя. Угощение это бывает более обильным при рождении мальчика, так как девочки считаются менее желательными.

Когда у новорожденного отпадет пуповина, переезжают на новое стойбище. При этом оставляются полоски нюка и жерди чума, находившиеся над местом, где происходили роды, вся одежда, которая была на роженице, постель, а также посуда. Муж оставляет свои нижние натазники и также пояс.

Если родился мальчик, на место родов кладут маленькое изображение лука. Послед ребенка завертывают и вместе со всеми оставляемыми предметами закрывают дощечками.

Когда чум убран и все пожитки уложены по санкам, удушают оленя и собаку и кладут их поперек дороги. Через них переезжают все санки.

После этих обрядов последнее очищение считается совершившимся. Но и после этого родильница в течение од-

ного месяца не может переходить через дорогу шайтаньей нарты, чтобы этим не осквернить святыни и не навлечь на себя гнева со стороны духов.[1]

После первых родов дарят луне важенку, безразлично какой масти, и отмечают ее, вырезывая на шерсти левой лопатки особый знак (рис. 29).

Совершается это следующим образом: когда появится луна, муж ловит предназначенного оленя, ставит на нем метку, и, показывая его луне, говорит: «Вот ради того, что ты благополучно разрешил (дух луны), отдаю тебе. И в следующие годы посылай счастливые роды».

Рис. 29. Тамга оленя луны.

Затем этого оленя отпускают на волю, не запрягают и не убивают. При последующих родах олень уже не приносится в жертву.

Беременность девушек не считается предосудительной; ребенок остается у родителей девушки.

Тавгийцы не торопятся давать новорожденным имена; часто случается, что дети до трех, до четырех лет ходят без имен. В некоторых случаях беременная сама идет на какое-либо камлание, происходящее вблизи ее чума, и просит шамана, чтобы он во время камлания «посмотрел» какого пола родится ребенок, а также просит наделить его именем. Если во время родов прибудет особенно почитаемый старик, его иногда просят дать имя новорожденному.

Дети, особенно мальчики, пользуются нежной любовью со стороны родителей. Спят они в деревянных колыбельках, разукрашенных медными бляхами (рис. 30).

---

1 Мне известен случай, когда таймырские тавгийцы не допустили к умирающей роженице акушерку из-за боязни, что она, прикоснувшись к роженице, осквернится и перейдет через дорогу шайтаньей нарты и этим самым навлечет гнев домашних святынь на обитателей чума.

С самых маленьких лет дети приучаются к работе и трудолюбию; трогательно бывает смотреть на голеньких малышей, ловко орудующих ножами при выделке различных игрушек. Игрушки крайне незатейливы: зубы оленя — олени и санки к ним — деревянные обрубки. И на грязном полу чума составляются целые «аргиши» (рис. 31).

Рис. 30. Колыбель.
Фото Н. А. Остроумова.

С совершеннолетием женщин изменяется отношение к ним: их считают «нечистыми существами» и ограничивают их разными унизительными запретами. Они не могут садиться на мужскую нарту, чтобы не осквернить ее. По

Рис. 31. Детские игрушки, изображающие оленей (зубы оленя) и санки.

этой же причине женщин усаживают в задней части челнока.

Когда выдают замуж, у девушек не спрашивают согласия, братья обменивают своих сестер на жен. В старину многожены некоторых из своих жен отдавали в наймы другим. Несмотря на такое крайне приниженное правовое положение, отношение к женщинам отнюдь не грубое, и случаи побоев крайне редки.

III

Вряд ли найдется в Сибири такая этнографическая группа, которая, как тавгийцы, сохранила бы в такой чистоте и неприкосновенности свое анимистическое миросозерцание.

Вся природа в глазах тавгийца живет: каждое растение, каждый камешек чувствует и дышет, и может проявлять себя. Даже вещи, сделанные руками человека, и те имеют своих духов, оживляющих их. Так, весною, перед тем как оставлять тяжелые зимние санки, хозяин обходит их, легонько ударяя каждые палочкой и говоря: «Вы нас не проклинайте, думая, что совсем покинули. Вас никто не тронет, благополучно оставайтесь до осени».

Из множества хозяев, населяющих весь видимый мир, выделяются отдельно существа более высокого порядка, не всегда принимающие в глазах тавгийцев строго антропоморфный образ. Из них благожелательно относящиеся к людям обозначаются общим термином ŋuo. Этим же термином ŋuo обозначается видимое небо, не успевшее принять еще какой-либо определенный образ, но почитающееся как одно из самых высоких священных объектов, недосягаемое для простого смертного.

N'ьlьtьa ŋuo — создатель вселенной, обитает на верхнем седьмом небе и до него может доходить только самый знаменитый шаман. Жену его зовут ŋuo N'ām.

Большой популярностью пользуется работник N'ьlьtьa ŋuo, Kou — солнце.

N'ьlьtьa ŋuo в настоящее время не занимается творческими процессами, — поручив мир наблюдению Kou, он удалился к себе на небо.

При различных бедствиях молятся солнцу, кланяясь и прося помочь чему или кому-либо, например, больному. И в случае выздоровления последнего убивают в жертву солнцу белого оленя.

Мясо этого оленя съедается на пиршестве всеми, за исключением шаманов, а шкура с головой и копытами вешается на дерево.

Осенью, перед заходом солнца на время полярной ночи почти каждая семья приносит в жертву белого

оленя, шкуру которого, вместе с головой и копытами, вешают на дерево (рис. 32).

Перед удушением этого оленя над лопаткой на шерсти вырезывают особую тамгу солнца (рис. 33). Мясо жертвенного оленя должно быть употреблено в пищу в течение одного дня, причем к нему не прикасаются шаманы и женщины. Не раздробленные кости тщательно собираются и

Рис. 32 Олень, принесенный в жертву солнцу.
Фото автора.

вместе с желудком кладутся у дерева под повешенной шкурой.

Олень, отдаваемый солнцу, бывает всегда лучшим упряжным передовиком. Кроме того, солнцу посвящают живых оленей, которых отпускают на волю, также отмечая тамгой над левой лопаткой. Лучи солнца являются нитями, спускающимися вниз. Посредством их духи растений сообщаются с солнцем и спрашивают у него разрешения на рост нового растения. Приезжая на стойбище, тавгийцы все свои нарты поворачивают в сторону солнца. Откочевывая от стойбища, обязательно поворачивают оленей и

нарты по солнцу, хотя бы и нужно было ехать в противоположную сторону.

Работником жены N'ьlьtьa ŋuo, ŋuo N'am является хозяин луны Cicāruo — это по своему значению второе после солнца божество тавгийцев.

Луна Kicceda представляет собой висящий плот, служащий жилищем Cicāruo. Божество это помогает счастли-

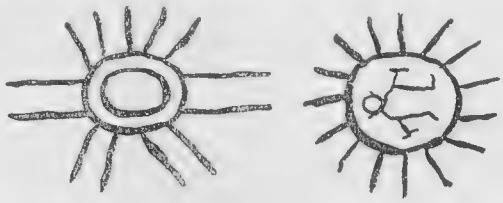


Рис. 33. Тамги оленей „солнца".

вому деторождению. Ему перед родами молятся, после родов дарят оленя (см. выше).

Хозяин воды — Biđa ŋuo, ему посвящают живого черного оленя, над левой лопаткой которого вырезают специальную тамгу, изображающую волны (рис. 34). Удушают

Рис. 34. Тамги оленей „хозяина воды".

черного оленя также на берегу реки или озера, мясо его съедают, а шкуру с головой и копытами расстилают на земле.

Весною, после ледохода, в жертву духу воды удушают оленя. Мясо его съедают, желудок оставляют на берегу вместе с содержимым, предварительно сделав крестообразный разрез сверху.

В шкуру оленя завертывают все кости, сердце, печень и легкие, а также один, вышитый бисером, наголовник с тремя колокольцами и тяжелый камень. Затем двое мужчин садятся в два челнока и, держа между ними этот кожаный сверток, уплывают на середину реки, гребя свободною рукой.

Достигнув середины реки, выпускают сверток в воду: он тонет от тяжести завернутого внутри камня. Сделав это, гребцы очень быстро трижды по солнцу проплывают вокруг места потопления свертка, символически огораживая его.

Хозяев земли два. Один из них доброжелательный Bojkuo ŋuo — седой старик.

Когда тавгийцы осенью возвращаются на свои зимние стойбища, каждая семья имеет свою определенную «сопку» (гору), на которой удушает доброжелательному хозяину земли белого оленя или белую собаку, прося его выполнить их пожелания, обещая за это в будущем году снова

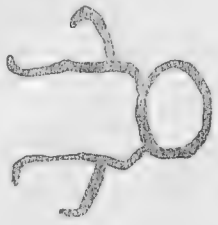


Рис. 35. Тамга оленя „хозяин земли".

принести в жертву оленя. При этом шамана заставляют камлать. Шкуру убитого оленя вешают на дерево, а собаку вешают целиком.

Вторым хозяином земли почитается злой недоброжелательный Fannida, обитающий в земле под дерном. Он с раскрытой пастью ожидает к себе умирающих людей. Чтобы избежать лишней жертвы, дарят ему черного оленя, которого пятнают над левой лопаткой особой тамгой (рис. 35).

Кроме хозяев земли у каждой местности имеются свои отдельные хозяева. Прожив продолжительное время благополучно на одном месте, тавгийцы посвящают хозяину местности живого оленя.

Хозяин растительности одинокий старик — Tottьaduo питается землей и остатками пищи, проливаемой на землю.

Хозяевами огня являются Hyde Huoŋka и его жена Zali Həlla. Им убивают (удушением) взрослого оленя или теленка, причем желудок с его содержимым кладут на палки,

положенные на противоположной стороне внутри чума за очагом против дверей. Поверх кладут мясо и закрывают сверху шкурой, причем голову оленя направляют в сторону огня. Если хозяевам огня удушают собаку, ее кладут, не снимая шкуры, целиком около очага.

Хозяева очага не любят шума и наказывают за это, посылая язвы, от которых можно вылечиться, вымазываясь сажей.

Посвящают также живых оленей духам — хозяевам рыб, волков, медведей, диких оленей, песцов, гусей и ра-

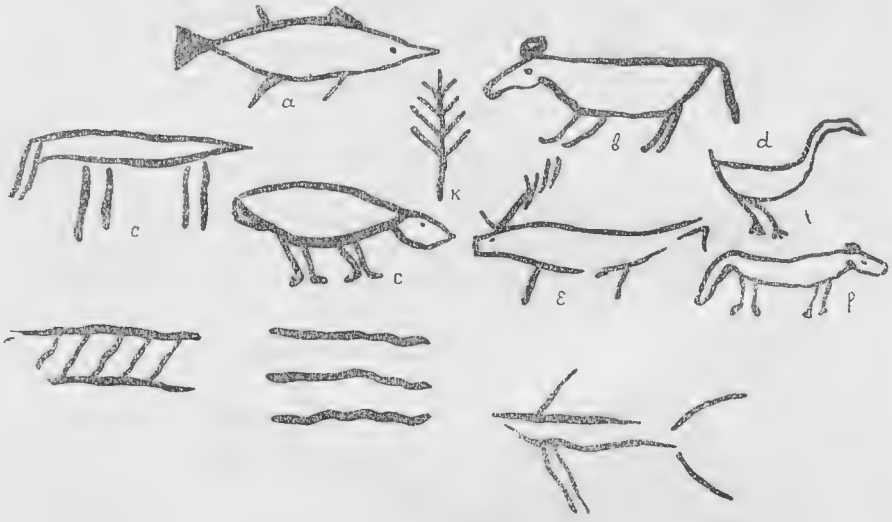


Рис. 36 Тамги „хозяев" рыбы (*a*), волка (*b*), медведя (*c*), гуся (*d*), дикого оленя (*e*), песца (*f*) и растений (*k*).

стений; таких оленей отмечают специальными тамгами над левой лопаткой (рис. 36).

Хозяином чума почитается Tuj ŋuo, являющийся охранителем семьи.

Хозяин пурги седой старик Kədu ŋuo: он всегда зажимает нос рукою, и когда отнимает последнюю, то начинает дуть носом — происходит пурга. Живет он на верху первого неба.

Конечно, при наличии анимистического мировоззрения тавгийцев этим список божеств и духов не исчерпывается. Кроме доброжелательных духов существует также бесконечное количество недоброжелательных божеств и духов,

живущих в темном подземном мире без луны и солнца. Самым большим и страшным из этих божеств считается Barusi.

У тавгийцев в большом распространении почитание различных предметов, называющихся шайтанами.

Шайтанами могут быть как объекты природы, так и предметы, специально сделанные человеком (камни, изображения «духов» и т. п.).

К первым относятся камни необыкновенной формы, взятые по указанию шаманов, как имеющие в себе особых хозяев. Ко вторым относятся: а) железные привески шаманского костюма, оставленные по завещанию умирающего шамана; б) деревянные изображения духов, сделанные по указанию шаманов.

Камни и деревянные изображения становятся шайтанами после особого шаманского обряда одухотворения, причем над первыми иногда эти обряды не совершаются, если они берутся без всякой обработки в таком виде, в каком их создала природа, так как предполагается, что хозяин уже имеется. По этой же причине без обрядов одухотворения используются шаманские привески.

Шайтаны по своим функциям бывают: а) домашними духами, покровителями чума, огня и т. д. б) охранителями людей от действия злых духов, и в) духами, покровительствующими охоте и другим промыслам. Причем первые две категории шайтанов могут быть мужского или женского пола.

Кроме указанных выше, в некоторых семействах бывают шайтаны-шаманы, представляющие собой деревянные антропоморфные изображения, одетые в миниатюрный шаманский костюм. К шайтанам-шаманам обращаются, желая увидеть вещий сон. Для этого его, как и настоящего шамана, понуждают ударами (см. в главе о шаманстве), чтобы он дал увидеть вещий сон.

После полярной ночи, с появлением солнца, всех шайтанов кормят, окуривая костным мозгом оленя. Возят шайтанов, запрягая специальных оленей с особыми тамгами (рис. 37), причем шайтанов женского пола возят на важенках. Если почему-либо приходится убивать шайтаньего оленя, мясо его женщины и шаманы не едят. Шайтаньи

нарты бывают специальные трехкопыльные (рис. 38), иногда с изображением солнца на спинке сиденья в виде круга, сделанного кровью. Всякая шайтанья нарта меняется через два года на третий. Старую нарту бросают, и шайтанов переносят в новую.

Рис. 37. Тамги шайтаньих оленей.

Перед этим новую нарту освящают. Убивают оленя, шкуру его с головой и копытами вешают на дерево по направлению к востоку. Сзади подводят новую нарту и впря-

Рис. 38. Шайтаньи нарты.
Фото Н. А. Остроумова.

гают в нее подвешенную шкуру как бы живого оленя, в таком виде новая шайтанья нарта стоит три дня (рис. 39).

Меняют шайтаньи нарты после полярной ночи, когда появится солнце.

В особой нарте хранится шайтан огня, который делается о двух головах из раздвоенного ствола дерева. Нарта эта бывает длиною всего лишь около метра и кла-

дется наверху обыкновенных грузовых санок (рис. 40). Меняется она только через семь лет.

Если у шайтанов умирают хозяева (люди), они плачут, жалея их, а оставшиеся в живых люди делают для шайтанов новую нарту без боковых досок. Шайтанов бросать после смерти их владельцев нельзя; нужно по наследству передавать младшим детям. Если же бросить их, то они все равно возвратятся, но уже превратившись в злые болезни.

Рис. 39. Освящение новой шайтаньей нарты.

Фото автора.

Тавгийские шайтаны среди соседей — долган, якутов и эвенков — считаются самыми сильными и внушают большой страх.

Если тавгийца кто-либо очень обидит, он приезжает домой, раскрывает нарту с хранящимися в ней шайтанами, расставляет их, а затем убивает оленя и мажет их его кровью и, приподнимая нарту за передок кверху, громко причитает и жалуется небу на обидчика. Или же вносит одного из шайтанов в чум и коптит его лицо над огнем очага, говоря: «Пусть у моего врага также сгорит лицо, как у тебя». Враг должен умереть от язвы лица.

Душа человека — п'ыьт, по воззрениям тавгийцев, единственная и имеет вид птицы.

N'ьlьtьa ŋuo создал для каждой отдельной народности определенное количество мужских и женских душ, которые и воплотил в людей. При смерти человека тело его идет в нижний мир, в холодную и темную страну, где и продолжает свою земную жизнь. Души же умирающих возносятся вверх и при рождении ребенка новым божеством Bonduptuo ŋuo снова посылаются на землю.

В связи с этими воззрениями погребальные обряды тавгийцев отличаются сложными церемониями.

Рис. 40. Нарта шайтана огня.

Фото автора.

Смерть не является естественным концом человеческого бытия, причиной ее являются обязательные злые божества и духи. Причем люди каждого отдельного рода умирают от одного вида какой-нибудь болезни, посылаемого специальными духами этой болезни. Так, например, людям из рода Купчук суждено умирать скоропостижной смертью.

При жизни у каждого тавгийца или тавгийки шьется смертная одежда из особенно добротного материала и красивее обычной. Впервые шьют такую одежду, когда исполнится мальчику или девочке семь лет, и в течение жизни, вместе с ростом, одежда эта перешивается три раза из нового материала.

Кроме одежды, для загробной жизни приготовляется оленья упряжь из красного сукна, с бисерной нашивкой,

такой же наголовник с тремя колокольцами на лбу и около ушей и нюки — чумовые покрышки из черных оленьих шкур.

Особенно много смертной одежды шьется для женщин. Кроме того, на случай смерти приготовляется все необходимое, вплоть до посуды.

Когда человек умрет, то для того, чтобы окончательно удостовериться в его смерти, его долго будят, расталкивая. Если же умерла женщина, сейчас же выбегают из чума, и все санки ее, нагруженные одеждой, поворачивают на север. Делает это обязательно кто-либо из родственников умершего.

И летом и зимою покойника одевают в зимнюю смертную одежду, так как предполагается, что нижний мир очень холодный. При этом на рукавах и спине малицы, на рукавицах, над мизинцами и на обуви, над большим пальцем, а также и на подошвах делают отверстия.

Умершему моют только лицо, глаза закрывают красным сукном. Два дня труп лежит в чуме, затем его зашивают в полосу «смертного» нюка, при этом сгибают ему колени, правую руку кладут на голову, левую сохраняют в несогнутом виде.

Семьей выбирается один из близких родственников, долженствующий до погребения заменять умершего и вести от его лица разговоры, сидя около трупа.

Когда могильщики, перед тем как отправляться рыть могилу, заходят в чум умершего, между ними и заместителем умершего происходит разговор.

Один из могильщиков (к умершему): «Вот, старик (или старуха), я привел к тебе нужных людей».

Заместитель умершего (от имени умершего): «Вот хорошо, обрадовали меня. Сегодня поработаете, завтра отдохнете».

Могильщик: «Вот привел тебе людей, чтобы приготовить землю».

Заместитель умершего: «Вот и отлично, идите и приготовляйте».

Могильщики идут рыть могилу, причем делают ее неглубокой — по колено, глубже копать считают грехом; по той же причине не разрубают мерзлую почву топором.

Утром, на третий день, когда пьют чай, около мертвеца ставят стол, на нем чашку с чаем, не доверху наполненную, и три кусочка жира.

Заместитель умершего наливает чай на блюдце и половину выплескивает, половину выпивает. Один из кусочков жира бросает в огонь, остальные съедает, говоря: «Вот возвратились назад устраивающие мою могилу, поэтому поел я с радостью. Вот я ныне отправляюсь в далекую страну, поэтому, ребята, я начинаю торопиться. Пригоните табун и изловите моих смертных оленей, я и сам помогу вам в этом. Ловите оленей не простым, а только „смертным" арканом».

Люди выходят и идут за оленями. Когда табун пригонят к чуму, один из пригнавших, не входя, подходит с наружной стороны чума и, став против того места, где лежит покойник, кричит: «Старик (или парень), помоги нам, выйдем ловить оленей, мы неопытные и неловкие».

На это внутри чума замещающий умершего отвечает: «Как же, конечно выйду, помогу вам изловить своих смертных оленей», выходит на улицу и принимает участие в ловле оленей. Всего ловят пять оленей: двух для упряжи ездовой нарты, двух для грузовых санок и одного оленя «маньщика», с которым часто ходил на охоту умерший. Иногда в грузовые санки запрягают только одного оленя.

Выбираются олени темных мастей, старые, так как предполагается, что они на том свете станут молодыми. При запряжке ремней не пристегивают, но связывают узлами, в противном случае на том свете они запутаются и их нельзя будет распречь.

На первую нарту, на которой предполагается, что поедет умерший, кладутся кукуль и ружье, причем последнее кладется без дула, одно деревянное ложе с замком. На грузовые санки кладется одежда, ремень для ловли оленей, запасной ремень для оленя-маньщика, посуда, пища, охотничий щит для подкрадывания к дикому оленю, охотничий совик защитного белого цвета и лук со стрелами.

Когда погребальный поезд готов, если умерший мужчина, — удушают быка, если женщина — удушают важенку. Задние стегна этих оленей кладут в грузовые санки умершего. Затем подвигают угли на край железного листа очага

и на них кладут по нескольку кусочков мяса, говоря (умершему): «Ешь». Голову удушенного оленя бросают на стойбище.

Выносят покойника головою, направленной в сторону захода солнца, разбирая покрышку чума и раздвигая жерди на том месте, где он лежал, и кладут на первую нарту.

Затем удушают самку оленя и собаку, трупы их кладут поперек дороги, и через них переезжает не только погребальный поезд, но и санки всех, едущих на похороны.

Перед тем как поезду тронуться, каждый из близких и родственников кладет в переднюю нарту подарки, называющиеся «смертными украшениями», в виде бисера, огнива, пряжек и других безделушек. При этом существуют определенные запреты, связанные с родственными отношениями. Так, дядя не может давать, в качестве смертного подарка, огниво — грешно. Младший брат или младшая сестра умершего или умершей не должны давать смертных украшений, чтобы не заставить покойника вернуться и «съесть» их.

Первой выезжает нарта с покойником, которой управляет заместитель покойника. К ней сзади привязывают оленей с грузовой нартой, за последними идет на привязи олень-маньщик.

По прибытии на место погребения могилу внутри устилают постелью (оленьей шкурой), кладут подушку и на них уже укладывают потом покойника на правом боку, головою к заходу солнца и покрывают его сверху одеялом.

Над могилою делают настил из жердей, затем закрывают полосою нюка. После этого засыпают могилу землей и ставят над ней первую нарту с оленями; грузовая нарта и маньщик находятся сзади на привязи в том же порядке, в каком они следовали прежде; затем начинают убивать оленей. Сначала убивают передовика первой нарты, затем второго оленя, двух оленей грузовых санок и маньщика. Убивают их следующим образом: с обеих сторон каждого оленя становится по два человека, держа наготове по заостренному колышку, третий становится сзади и ударом дубинки по пояснице переламывает оленю хребет. В это же время двое стоящих впереди прокалывают с обеих сторон сердце. Убитым оленям придают позу лежащих, под-

гибают им колени и вытягивают головы по направлению захода солнца. Убив маньщика, веревку, на которой он был привязан сзади грузовой нарты, разрезают на три части, чтобы она не рвалась на том свете. Хорей [1] втыкают в снег или в землю (летом) стоймя около последней нарты, с правой стороны.

Человек, заменяющий умершего, становится ногами на правый полоз первой нарты и, размахивая руками, как бы погоняя оленя, кричит: «Ks! ks! kььs!» «Вот я сильно тороплюсь». Присутствующие говорят на это: «Если ты торопишься, скорей уезжай».

Заменяющий умершего: «Ой, переплывет ли мой передовой через море болезней? Ну, да уж ладно, как-нибудь приучу его».

В это время в стороне восхода солнца (на востоке) разводят костер и спрашивают у заместителя умершего, когда он кончил погонять оленей: «сколько огней даешь?» Тот отвечает «Три огня даю». Тогда берут горящие поленья от этого костра и раскладывают еще два костра. Самый крайний из них называется костром подземного мира и к нему никто из присутствующих не подходит. Они идут к двум остальным кострам и окуриваются дымом брошенной туда собачьей шерсти.

После этого съедают немного пищи (мяса) и пьют чай. Посуду, употреблявшуюся при этом: сковороду, одну чашку и чайник продырявливают и кладут на первую нарту. Затем каждый подходит к могиле и говорит: «Я буду скучать по тебе, надели мне от своей удачи на охоте».

Когда этот обряд прощания закончится, все присутствующие садятся на своих оленей и, не оглядываясь назад, уезжают в совершенно противоположную сторону от своих чумов для того, чтобы запутать свои следы, скрыть их от умершего. В течение нескольких часов ездят они по тундре во всевозможных направлениях и только после этого разъезжаются по своим чумам.

Во время обрядов, происходящих при погребении, оставшиеся в чуме умершего домашние переезжают на новое стойбище, причем оставляют все жерди и ту часть

---

[1] Хорей — шест, которым погоняют ездовых оленей.

покрышки чума, которая находилась над тем местом, где лежал покойник. Услыхав, что едут обратно с погребения, из чума выходят три женщины и бросают на дорогу три горящих головни с собачьей шерстью. Санки приезжающих должны переехать через них.

Смерть женщины сопровождается очень большими материальными затратами, так как все вещи, принадлежавшие ей, оставляются на могиле, а вся одежда ее домашних, сшитая ею, должна быть в течение года выменена на другие вещи. Говорят, что встарину вещи эти сразу бросались после смерти женщины. Это делается из боязни, чтобы умершая не пришла за своими вещами.

При женских погребениях бывает санок с вещами трое. В переднюю четверную женскую легковую нарту впрягают двух оленей, в остальные по одному. Олень-маньщик, естественно, отсутствует, так как женщина не занимается охотой. На самые задние грузовые санки кладут покрышки и жерди смертного чума.

Ловят смертных оленей женщины, заменяет умершую также женщина; в остальном женские похороны ничем существенным не отличаются от мужских. Присутствовавшие на похоронах мужчины в течение одного месяца не могут ходить на охоту, чтобы не отпугнуть зверя.

Оставшееся семейство в течение трех лет со дня смерти своего близкого не заплетает волос. Вдовец или вдова в течение трех лет не спит на том месте чума, где лежал умирающий муж или умирающая жена. В продолжение трех лет родные ежегодно навещают могилу, приводя одного запряженного оленя, нагруженного едой. Оленя убивают (удушают) на могиле и оставляют вместе с санками и грузом. Если умрет новорожденный или маленький ребенок, тело его кладут в ящичек, который подвешивают на дереве. Если же нет деревьев — оставляют на земле.

IV

Ежегодно, после полярной ночи, когда солнце начнет показываться из-за опушки северного редколесья, тавгийцы устраивают празднество «чистого чума» — maðusją, на котором шаманы испрашивают благополучие, счастье и удачу в промыслах наступающего года.

Каждый шаман может проводить праздник «чистого чума» не раньше, как через три года, причем если год оказался неудачным, умирали или люди или олени, праздник переносится на следующий год. Если в семье шамана, которому предстояло совершить празднество «чистого чума», случится какое-либо несчастье, он не камлает на этом празднестве.

Рис. 41. „Чистый чум" с изображением духа дерева Ногьа.

О предстоящем торжестве заранее оповещается все население, которое и съезжается к месту празднества в нарядных смертных одеждах, надеваемых при жизни только на этот случай. Камлание может происходить 3, 5, 7 или 9 дней. Накануне первого дня праздника вырубаются жерди для чистого чума. Трижды семь жердей, если камлание продолжится три дня, пятью семь жердей, если камлание продолжится пять дней, и т. д. из расчета семи жердей за каждый день. Одна из жердей выбирается более толстая, на конце ее вырезывается изображение лица духа дерева

Ногьа (рис. 41). Дух этот, при путешествии шамана на небо, указывает ему путь.

Выбираются три олененка темной масти, которых удушают, снимая с них шкуру, не отделяя головы и копыт. Эти шкурки вешают вокруг дымового отверстия чистого чума, причем головы натыкаются на концы чумовых жердей, оставляя ноги свешиваться внутрь чума (рис. 42 и 43).

Рис. 42. Остов „чистого чума" с оленьими шкурками вокруг дымового отверстия.

Фото автора.

Как изображения Ногьа, так и головы оленят направляются в сторону восхода солнца.

Шкурки оленят являются жертвами божествам, у которых шаман испрашивает счастье своему народу.

Когда чумовые жерди установлены, с внутренней стороны обмазывают их кровью убитых оленят. Это делают для того, чтобы уберечь себя от блуждающих над землею душ умерших, обратившихся в злых духов. Последние могут притаиться в коре чумовых жердей и вместе с шаманом незаметно отправиться в верхний мир, тогда добрые божества гневаются на шамана и на тавгийцев и насылают на

них различные болезни. Если жерди обмазать кровью, в виду очистительных и предохраняющих свойств последней духи не могут касаться жердей.

Если вокруг «чистого чума» растут деревья, их также обмазывают кровью и на каждое дерево кладут по кусочку мяса, говоря: «Не обращайтесь лицом в сторону мертвых, не допускайте срубать себя для мертвых», т. е. высказывается пожелание, чтобы поменьше срубалось деревьев для нужд умирающих.

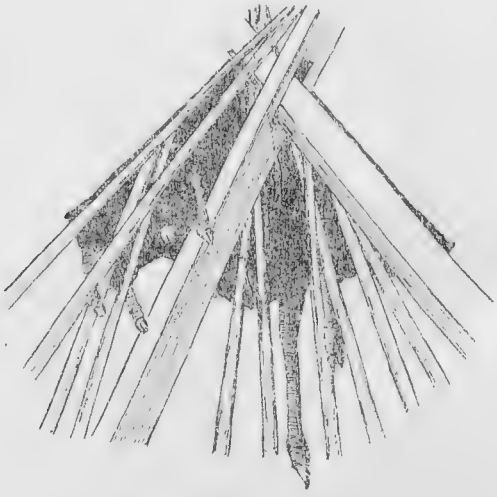


Рис. 43. Оленьи шкурки вокруг дымового отверстия „чистого чума".

Для покрышки остова «чистого чума» берутся недержаные нюки из черных шкур, специально предназначенные для загробной жизни. Причем берутся семь полос у семи отдельных хозяев и после празднества возвращаются назад. Покрывают чум хозяйки этих нюков.

Когда «чистый чум» будет готов, внутри его разводят огонь на очаге, представляющем собою железный лист, положенный на два полена.

Несмотря на употребление спичек, огонь в этом случае добывается попрежнему посредством кремня и огнива тремя женщинами, из которых одна должна быть обязательно роднею шамана. Предпочтительно выбираются молодые женщины, так как считается, что они приносят

счастье. В продолжение праздника каждый день огонь добывают все новые люди.

В «чистом чуме» сидение шамана устраивается за очагом как раз напротив двери и состоит из шкуры специально убитого олененка с не отделенной головой, обращенной к огню. Шкура эта кладется для того, чтобы шаман не увяз, так как земля, осквернённая трупами умерших, представляет зыбучую грязь.

Описываемое ниже празднество «чистого чума», на котором удалось присутствовать автору, происходило в 1931 г.

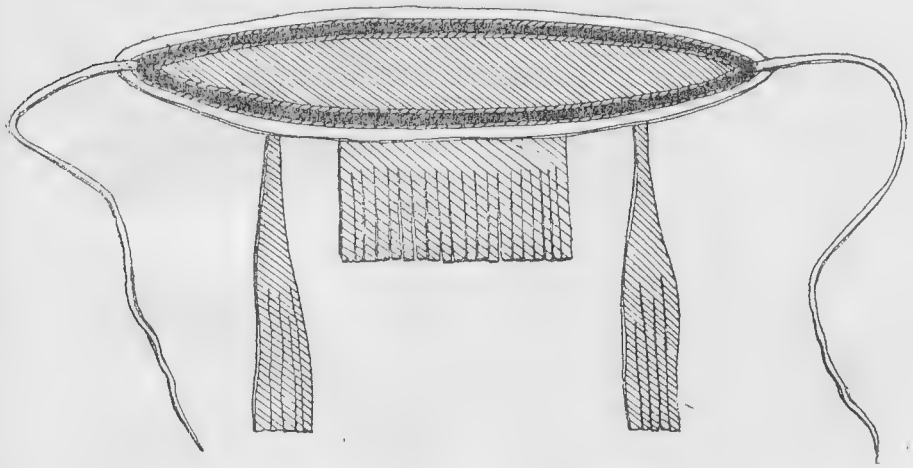


Рис. 44. Глазная повязка шамана.

в урочище Туора Муос Суопката по Хатангскому тракту, около станка Долганы. Празднество длилось семь дней, проводил его один из самых известных авамских шаманов Дюхадие Костеркин (D'yqadie). Празднество началось 25 января в час дня и окончилось вечером 31 января.

Погода за это время стояла холодная, но без метелей, частых в эту пору года.

Шаман надел костюм и уселся в своем чуме за очагом против двери и стал заклинать хозяина огня. Он просил у него разрешения на дальнюю дорогу, просил не допускать в чум во время его отсутствия ничего дурного и начал скакать, как бы уже отправляясь.

После этого он снова уселся на прежнее место, снял с головы медную шапку и надел крестообразную матерча-

тую шапку с кистями, ниспадающими на лицо. Глаза ему завязали специальной ровдужной повязкой, окрашенной в желтый цвет (рис. 44), в правую руку дали железную трость и вывели его из чума, чтобы он сам нашел дорогу и направился к «чистому чуму».

Вместо медной шапки шаман надел матерчатую для того, чтобы многочисленные хозяева отдельных частей медной шапки своими криками не могли запутать его и увести в сторону от «чистого чума». Матерчатая же шапка не имеет хозяев.

Завязали глаза шаману, чтобы показать присутствующим чудесную способность его двигаться правильно по намеченному пути с закрытыми глазами и этим подтвердить действительность его сверхестественного призвания. Во время священнодействия шаман не нуждается в обычных человеческих глазах, он приобретает особое зрение.

Земля, по которой нужно итти из своего чума в «чистый», представляется шаману вязким болотом и для опоры ему дается железная трость.

Когда шамана вывели на улицу, его закрутили, чтобы он потерял возможность ориентироваться в направлении, и поставили его спиною к «чистому чуму». Но шаман сразу взял нужное направление и пошел к «чистому чуму». Его по дороге стали всячески запутывать, дергая с разных сторон и подводя его то к кустикам, то к санкам и другим предметам. Однако шаман не натыкался на эти предметы, но, как зрячий, останавливался на некотором расстоянии от них.

К шаману сзади подкрался один из присутствующих с дубинкой в руках и замахнулся, делая вид, что он хочет ударить его. Шаман, как бы видя это, согнулся.

По дороге на некотором расстоянии друг от друга росли два деревца. Когда шаман стал приближаться к ним, неслышно натянули между ними олений аркан. Шаман, не натыкаясь на него, остановился на некотором расстоянии и пошел дальше только тогда, когда убрали аркан.[1]

---

1. Эти и описываемые дальше „чудеса" шамана, являющиеся более или менее ловко исполненными трюками, вызывали среди присутствующих удивление и веру в сверхестественную силу шамана.

Подошел шаман к «чистому чуму» не со стороны двери, но с противоположной и, как зрячий, стал, обходя кругом с протянутой тростью, отыскивать вход. Подойдя к двери, открыл ее и сам, без помощи других, вошел в чум. За шаманом вошли все присутствующие, причем женщины, входя, бросали в огонь, предварительно разжевав, кусочки жира. Это повторяли они ежедневно, входя в первый раз в «чистый чум». Когда шаман зашел, сняли с него глазную повязку и матерчатую шапку и вместо нее надели медную.

После этого шаман уселся на приготовленную для него шкуру оленя и, ударяя в бубен, стал заклинать, прося духов-помощников охранить всех присутствующих от действия злых духов; этим он как бы ограждал души присутствующих от всяких несчастий во время его камлания.

Во время камлания шаман поднялся со своего места, вместе с ним встали и составили круг семь женщин. Шаман стал петь без слов, женщины стали подражать звуками важенкам оленя. Причем, взявшись за руки, размахивали ими, стоя на одном месте, переступая с ноги на ногу. Это продолжалось минут десять, и когда закончилось, поднялись все мужчины и стали прыгать с вытянутой вверх правой рукой, выкрикивая «huok! huok!». Женщины своим звукоподражанием важенкам дикого оленя в период гонки и пляской испрашивали себе плодородие. Мужчины, протягивая вверх руки и выкрикивая, испрашивали себе оплодотворяющую силу.

Во время этого обряда ударяли одновременно в два бубна. Звуками бубна, употреблявшегося при камланиях верхним духам, придушали надземные болезни; звуками бубна, употреблявшегося при камланиях нижним духам, не давали возможности войти нижнему нечистому воздуху, приносящему болезни. Когда пляска кончилась, шаман разоблачился и вместе с присутствующими пошел в свой чум.

Камлание первого дня называется njŭrä salь — вступление в чистую землю. В этот день шаман не поднимается вверх, он все еще путешествует по земле, он только подготовляется к подъему сам и подготовляет также души всех родичей, так как они вместе с ним совершают путешествие.

26 января шаман пришел в «чистый чум», надел костюм

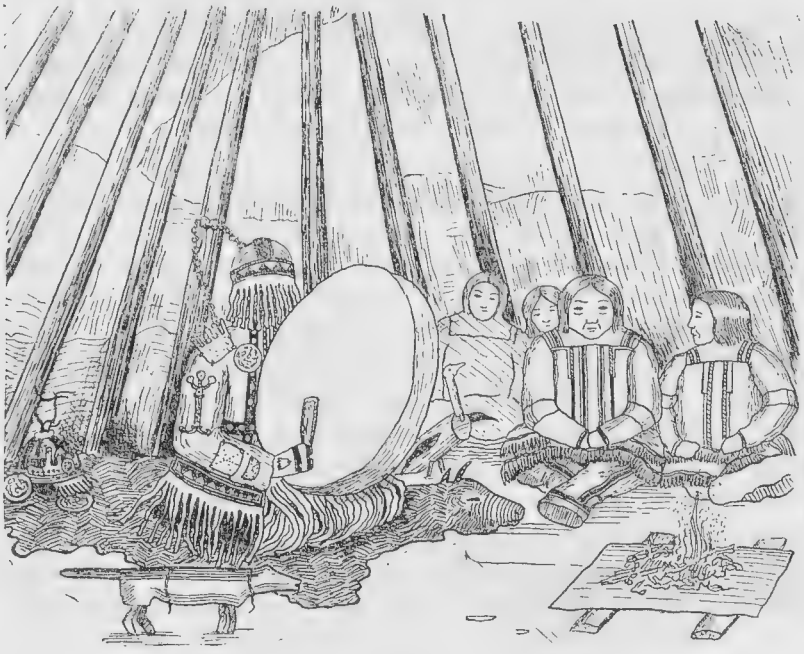


Рис. 45. Камлание шамана внутри „чистого чума".

и сел на свое обычное место. Спереди его, по правую сторону, поставили деревянное изображение горностая, по левую — такое же изображение птицы. Это — изображения главных духов-помощников, имеющих большое значение в качестве путеводителей при призывании шамана (рис. 45). Шаман поднимается вверх, следуя за этими духами.

С правой стороны шамана положили священную шкуру белого медведя. Затем из матерчатого мешка вынули три кожаные ленты: одну — maδa с изображениями чумов (рис. 46 c), другую — bəndəj с изображениями животных и птиц (рис. 46a) и третью kuorsa nьmaŋa широкую посредине и суженную по концам (рис. 46b) и, наконец, kĭntēbin — ременную плетену веревку с привязанной на конце медной пуговицей (рис. 46 d). Все это повесили с правой стороны шамана, просунув между жердью и покрышкой чума.

В этот день шаман с первого неба (земли) поднимается на второе небо к божеству Luoŋkari barba. Время от времени он своею колотушкою погоняет горностая и птицу, когда они намереваются вернуться назад в нижний мир, говоря:

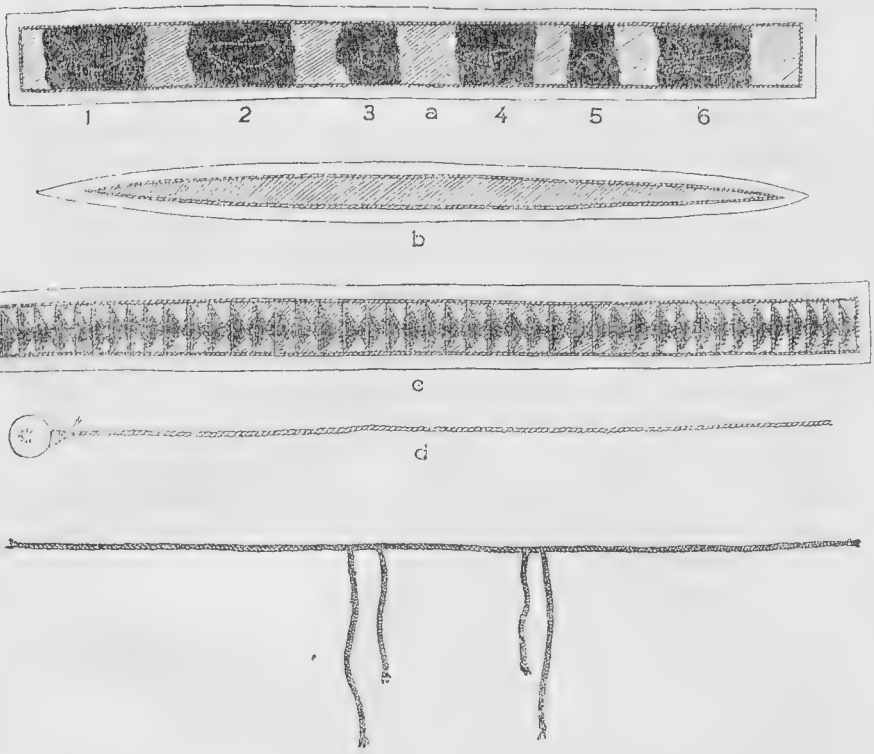


Рис. 46. a. Bəndəj — лента из стриженой оленьей кожи, длиною в 54 см, окрашенная в черный и желтые цвета и положенная шерстью вниз. На мездре вышиты оленьим волосом: 1) дикий олень, 2) рыба, 3) птица, 4) песец, 5) земля с оленьими пастбищами и 6) домашний олень — все, от чего зависит материальное благополучие тавгийца.

b. Kuorsa пьтаŋа — продолговатой формы лента из оленьей шкуры длиною в 52 см. Посредством ее шаман испрашивает рождающимся детям ум и хорошие качества.

c. Маба — лента из оленьей кожи, длиною в 58 см, окрашенная в черный и желтые цвета с шерстью на обратной стороне. На ней подшейным волосом оленя вышито 44 чума. Лента символически изображает самоедскую „орду".

d. K̄intēbin — веревка из оленьей кожи, длиною в 54 см, окрашенная в желтый цвет, с медной пуговицей на конце; символически изображает пуповину ребенка.

(Внизу) — веревка, плетеная из кожаных ремней, окрашенных в желтый цвет, длиною 56 см, имеет четыре разветвления; употребляется шаманом на празднике „чистого чума", чтобы предохранить народ от болезней.

«Зачем вы стремитесь уйти назад к умершим людям?» Когда шаман приходит к божеству Luoŋkari barba, последнее спрашивает, кто он и кто его послал к нему. Шаман на это отвечает, что он пришел от народа n'ā. Luoŋkari barba просит его доказать правдивость этих слов. Тогда шаман показывает божеству ленту с чумами и говорит: «Вот столько чумов и людей послали меня к тебе», затем просит у него для своего народа в предстоящем году счастливой жизни, размножения людей и оленей, безболезненных родов женщинам.

На это божество говорит, чтобы шаман заставил присутствующих спрятать maδa: «Если ты сумеешь найти ее сразу, твое племя этот год проведет благополучно».

Тогда шаман опрокидывает бубен и кладет его на колени одному из присутствующих. Поперек бубна кладет maδa и сам выходит на улицу. В это время кто-либо из присутствующих прячет ленту за пазуху, затем несколько раз прохаживается по чуму в различных направлениях, стараясь запутать свои следы. Через некоторое время шаман входит в чум, садится на свое место, несколько раз ударяет в бубен и слушает, прикладывая ухо к коже бубна. Затем встает с места и, наклонившись, начинает обнюхивать, совсем по-собачьи, следы, точно следуя и буквально повторяя те же фигуры, которые производил человек, спрятавший ленту. Выслеживание правильно привело шамана к цели и он, остановившись перед человеком, спрятавшим у себя maδa, и глядя на него в упор, трижды ударил в бубен, тогда человек вынул ленту из-за пазухи.

После этого происходит такая же пляска женщин с шаманом и подскакивание мужчин, как и в первый день и с тем же значением.

Когда пляска кончилась, вошла жена старшего сына шамана. С ней перед этим случился обморок. Ее подвели к шаману. Последний из закрывающейся полости внутри изображения горностая вынул шкурку горностая, из нее веревочку с подвязанным к концу высушенным сердцем горностая, усадил больную по левую сторону от себя и стал заклинать, говоря: «Пусть твое поднявшееся вверх сердце, будучи таким же крепким и сильным, как сердце этого горностая, опустится вниз», и положил ей в рот конец

веревки с сердцем и под сильные удары бубна вынул веревку обратно. После этого шаман разоблачился и пошел в свой чум.

27 января. Утром, до прихода в «чистый чум», шаман без костюма, ударяя в бубен, совершил заклинание. Он просил хозяина пурги, чтобы тот не посылал мятелей.

Окончив заклинание, шаман идет в «чистый чум», надевает костюм, садится на свое место и начинает камлать.

В этот день шаман отправляется к божеству.

Придя к нему, чтобы удостоверить, что он действительно является посланником тавгийцев, шаман показывает ему веревку с четырьмя разветвлениями (рис. 46) и просит, чтобы в предстоящем году не было никаких болезней. Божество говорит на это, чтобы шаман заставил спрятать веревку и нашел ее. Если он сразу найдет, то и год будет благополучный, без всяких тяжелых болезней. После этого шаман достает завязанный мешок и вместе с веревкой передает его присутствующим.

После этого, оставив шамана одного в «чистом чуме», все присутствующие выходят и идут в другой чум. Там вынимают содержимое мешочка, состоящее из пяти кусков материи: 1) полотенца, посвященного духу опухоли, 2) красного платка, посвященного духу кровотечения, 3) черного лоскутка, посвященного «черной болезни» (оспе), 4) серого лоскутка, посвященного духу кашля и 5) белого лоскутка, посвященного духу головной болезни.

Веревку завертывают в одну из этих тряпиц, остальные тряпицы также свертывают и каждый из этих свертков связывают, но так, чтобы один сверток от другого по величине не отличался; кладут их в мешок и идут обратно в «чистый чум», и там свертки раскладывают на опрокинутый бубен.

Шаман подходит, обнюхивает по порядку все свертки, не дотрагиваясь до них рукой, и указывает на тот, который содержит в себе веревку. На этом камлание заканчивается.

28 января. Утром, перед уходом в «чистый чум», старшая дочь шамана, беременная, готовящаяся стать шаманкой, заклинает без специального костюма, имея только отцовский бубен. Она испрашивает счастье своему будущему ребенку.

После этого шаман идет в «чистый чум», надевает костюм и продолжает свой дальнейший путь на небо. Он просит встречных божеств и духов наделять рождающихся в этом году детей умом и честностью. Берет ленту kuorsa пьтаŋа и подает ее одному из присутствующих. Затем все присутствующие выходят, оставляя в чуме одного шамана. Когда через некоторое время они заходят, шаман обнюхивает всех поочередно и указывает на того, который имеет за пазухой kuorsa пьтаŋа. Если бы шаман не нашел этой ленты, дети, родившиеся в этом году, были бы незначительными, глупыми, плохими людьми.

После этого, по примеру прошлых дней, в кругу вместе с шаманом пляшут семь женщин и подскакивают с поднятою рукою все мужчины, испрашивая себе плодородие.

29 января. Утром шаман в своем чуме без костюма, имея только один бубен, заклинает, очищая «нечистых» женщин, присутствующих на камлании, т. е. тех, у которых происходили недавно менструации.

После этого шаман идет в «чистый чум», надевает костюм и, сидя на обычном месте, начинает камлать. В этот день ему приходится проходить мимо жилища самого грозного божества Tujo ŋuo. Это божество настолько грозное, что шаман у него ничего не просит, но издалека старается как-нибудь незаметно обойти его жилище.

Когда шаман приближается к жилищу божества, откладывает бубен в сторону и, опираясь на трость, выходит из чума. Составляется круг из 15 чел., 8 мужчин и 7 женщин, стоящих парами, держась за руки. Лишний восьмой мужчина, старший брат шамана, составляет пару вместе с шаманом. Хоровод в глубоком молчании совершает три круга по солнцу — это шаман, обходя жилище Tujo ŋuo, магически огораживается, чтобы божество не смогло похитить душу кого-либо из присутствующих, так как оно, увидев издалека шамана, уже кричит, чтобы он дал ему душу человека (рис. 47).

Погода стояла исключительно холодная, градусов до 50, со слабым, но неприятным пронизывающим ветерком. Нужно было удивляться закаленности шамана, на котором был только костюм из тонкой кожи, надетый на голое тело. На голове нисколько не защищающая от мороза, открытая

медная шапка. Нужно сказать, что хоровод продолжался двадцать минут. В то время как с шаманом ничего не случилось от мороза, я, делая снимки, успел обморозить себе пальцы.

Войдя в «чистый чум» и согревшись у огня, шаман передал свой бубен одному из присутствующих здесь долган и заставил последнего сильно ударить по нему. Через некоторое время шаман взял от него бубен обратно и, приложив ухо к его коже, ударил по нему несколько раз колотушкой и начал предсказывать долгану. Он сказал, что у последнего имеется священный олень-важенка рыжеватой масти с пест-

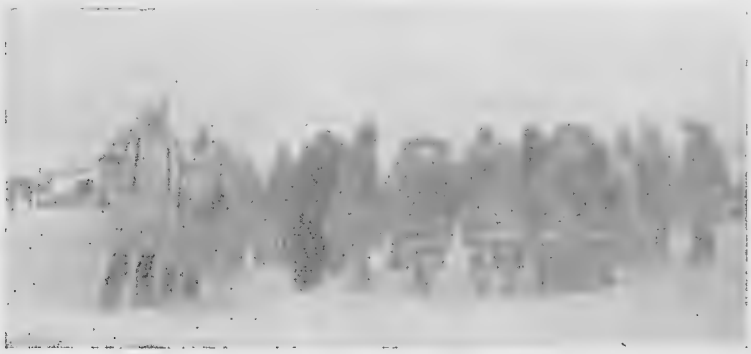


Рис. 47. Хоровод с шаманом на празднике „чистого чума".
Фото автора.

рою мордой, что он (долган) недавно сильно хворал, покушавши мяса павшего оленя, и что все, разделявшие с ним трапезу, умерли за исключением его одного. Долган подтвердил все сказанное. На этом закончилось камлание.

30 января. В этот день шаман камлает, изображая свой путь к божеству Tuj kuoca, посылающему женские родильные болезни.

Приблизившись к жилищу божества, шаман усаживает рядом с собой пять женщин и начинает просить божество, чтобы оно в предстоящем году не мучило женщин. Божество настаивает на тяжелых родах пяти женщин. Тогда шаман указывает на пять сидящих около него женщин и говорит: «Что же ты делаешь? Среди моего народа всего-то только пять женщин. Если они умрут, как же будут размножаться люди?»

Долго уговаривает шаман бежество. Наконец, божество обращается к нему: «Чем же ты докажешь мне, что не врешь?» Тогда шаман показывает ему веревку — kīntēbin. Божество говорит шаману: «Возьми эту веревку и заставь кого-либо из присутствующих спрятать ее. Если сразу найдешь ее, в этом году от родов не умрет ни одна женщина из рода n'ā. Шаман дает веревку одному из присутствующих и просит передать ее кому-либо из женщин. Шаману завязывают глаза и выводят на улицу. Когда его снова вводят в чум, он с завязанными глазами прямо направляется к той женщине, которая спрятала kīntēbin.

После этого, по примеру прошлых дней, вместе с шаманом становятся в круг девять женщин и скачут вместе с мужчинами, испрашивая себе плодородие. На этом камлание заканчивается.

31 января. Шаман идет в «чистый чум», надевает костюм и начинает камлать, изображая свой подъем на девятое небо. Когда шаман начинает подходить к срединной грани самого далекого неба, ставят посредине чума длинную жердь, своим концом далеко выходящую за дымовое отверстие. Шаман откладывает бубен в сторону и, подобно ловкому гимнасту, на руках поднимается вверх по жерди, высовывает голову через дымовое отверстие, оглядывается кругом и спускается обратно.

Жердь изображает высокое дерево, растущее на срединной грани самого отдаленного неба. На вершине этого дерева обитает божество Nьaŋa, имеющее пестрый (подобно оленю) нос. Шаман, взбираясь к нему по жерди, жалуется, что на земле стало много болезней, просит его защитить народ n'ā от болезней. Спрашивает: «Обречена ли вся народность на погибель, или есть еще какая-нибудь надежда?», говорит, что пришел выяснить это, испытывая по пути различные затруднения.

Божество отвечает шаману: «Хозяин земли сильно плачет, его обидели русские. Они подожгли брошенную избушку одного умершего человека, поэтому в прошедшем году и было много различных болезней и жестоких мятелей». На это шаман отвечает: «Полно, грешно ведь, зачем ты как говоришь? Русские, живущие в этих местах, ничего худого не могли сделать, они друзья наши. Эту весть я

только от тебя одного слышу, где ты это мог узнать».[1] Божество: «Конечно, вы об этом не услышите, я узнал по запаху гари». Шаман: «Нет, я не могу поверить этому, прошу тебя, скажи мне, что ожидает мой народ в предстоящем году?» Божество: «Оглянись вокруг. Если год будет тяжелый, ты за туманом не увидишь горизонта. Если год будет счастливый, горизонт будет виднеться ясно и как огонь будет гореть под лучами солнца».

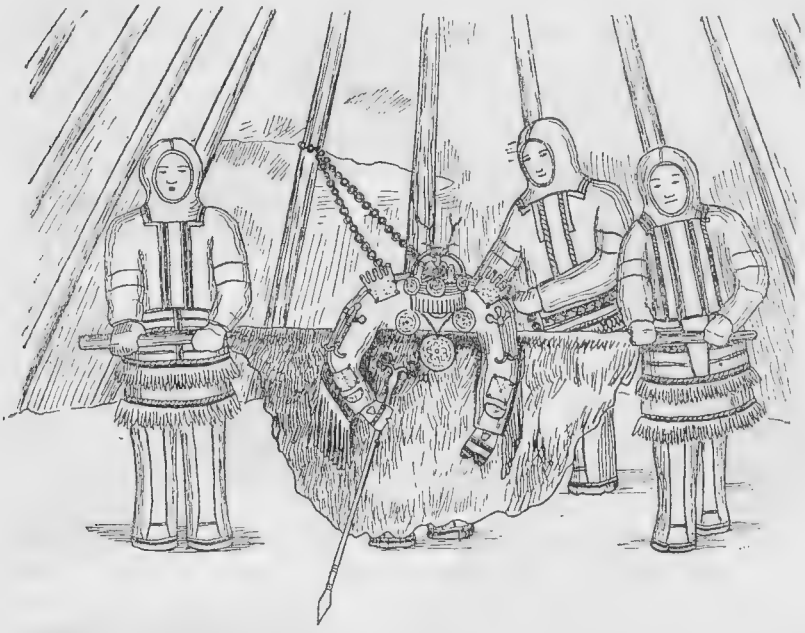


Рис. 48. Шаман переплывает „воду мертвых".

Спустившись с жерди на землю и передав этот свой разговор с божеством, шаман обрадовал присутствующих тем, что ясно видел светлый горизонт.

После этого вносят длинную жердь, двое мужчин берут ее за концы и становятся перед шаманом. На жердь накидывают шкуру белого медведя. Шамана крепко привязывают цепью за спину и он наваливается на жердь, правой рукой опираясь на железную трость (рис. 48). Приняв такое

[1] Эта защита русских шаманом, повидимому, была предназначена специально для меня.

положение, шаман прыгает вперед, наваливаясь на жердь, и делает вид, что медленно гребет руками по воде, время от времени неподражаемо рыча по-медвежьи.

В это время мгновенно затихают все разговоры, присутствующие, расступившись на две стороны, как бы открывают шаману дорогу.

Умирающим тавгийцы умывают только лицо. Так как в прошлом умерло много людей, вода, которой умывали лица покойных, собираясь в одно место, образует большое глубокое море, через которое в описываемом случае и переплывает шаман, превратившись в белого медведя. Вместе с шаманом переплывают воду мертвых души всех тавгийцев в виде пены, скопляясь на кистях костюма. При этом вместе с шаманом переплывают через воду мертвых только души тех людей, которым не суждено умереть в этом году. Души же тех людей, которым суждено умереть в этом году, отделяются от шамана и по течению уплывают назад. В таких случаях шаман тут же, продолжая плыть, говорит, что душа человека, имеющего смертного оленя такой-то масти, вернулась назад и для того, чтобы он не мог вернуть ее обратно, изменила свой внешний вид.

Шаман в описываемом случае сказал, что три души вернулись назад. Присутствующие громко выразили свое сожаление.

Шаман «плавал» около получаса. Когда же он кончил, цепь притянули выше, шкуру медведя сняли, и жердь положили на пол. Шаман перескакнул через жердь и, усевшись на свое место, сказал: «худого я не видел, хорошо, удачно ходил. Вот этот «чистый чум» вы должны раздеть. Если бы народу суждено было вымереть, я услышал бы много рыданий. Люди все равно, что основные столбы земли, поэтому хозяин земли жалеет их. Люди будут жить счастливо и их подошвы не будут скользить по земле».

После этих слов двое мужчин становятся по сторонам входа, держа длинную жердь за оба конца. На последнюю накидывают шкуру дикого оленя, убитого, так сказать, по предсказанию шамана. Когда шаман узнает, что будет проводить празднество «чистого чума», он говорит кому-либо из охотников: «Ты убьешь дикого оленя такой-то масти с такими-то особенными приметами. Шкура его будет

употребляться при празднестве «чистого чума». Убивший оленя отдает шкуру шаману.

Шаману завязывают глаза и дают ему в руки лук и две стрелы с железными копьевидными наконечниками. Шаман выпускает стрелы в шкуру и попадает в нее (рис. 49). Этим он показывает, что в ожидаемом году будет много диких оленей и охота на них будет удачной. Если бы стрелы не

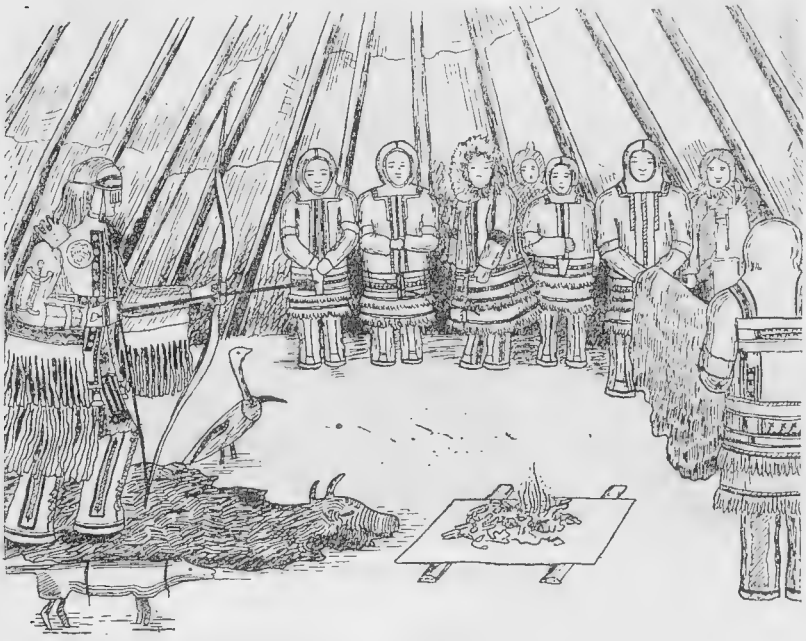


Рис. 49. Шаман стреляет из лука в шкуру дикого оленя.

попали в шкуру, год оказался бы неудачным: не было бы диких оленей, и народ голодал бы.

Шаман оставляет лук, садится на свое место и снимает глазную повязку. Перед ним расстилают висевшую на жерди простреленную им шкуру дикого оленя.

Домашние шамана приносят несколько мешков, наполненных мелкими кусочками мерзлого сырого мяса, юколы и жира, и высыпают все это на шкуру. Все присутствующие друг за другом подходят к шаману и протягивают кто меховые сумки, кто посуду, а кто и просто ладони. Шаман щедро горстями наделяет каждого подходящего кусочками

мяса, жира и юколы. Каждый из получивших считает своим долгом бросить в огонь по кусочку жира. Наделяя присутствующих мясом, шаман этим самым делится полученным им счастьем. Получившие часть мяса съедают, часть увозят своим домашним.

На шкуре, после раздела, остаются две-три горсти мяса и юколы. Шаман берет одну горсть и бросает ее вверх. Все

Рис. 50. Пляска на празднике „чистого чума".
Фото автора.

ловят падающие кусочки. Вторую горсть мяса шаман подбрасывает вверх вместе со шкурой, также и при этом каждый старается схватить кусочек. Каждый, поймавший кусочек, считает себя наиболее счастливым в предстоящем году.

После этого шаману подают трость и он, без шапки, идет в свой чум, где, усевшись за очагом и ударяя в бубен, просит хозяина огня, чтобы все присутствовавшие на празднестве «чистого чума» не захворали и после длинного путешествия, совершенного вместе с ним, хорошо отдохнули бы. Он благодарит хозяина огня за удачное камлание.

В это время семь владелиц нюков раздевают «чистый чум», не трогая жердей и шкур, висящих вокруг дымового

отверстия. Этим закончилось празднество «чистого чума»; было семь часов вечера.

В то время как внутри «чистого чума» происходило камлание, молодежь большую часть времени проводила на открытом воздухе в плясках, заходя в чум только в наиболее интересные моменты камлания. Пляска происходила следующим образом: мужчина и женщина брались рукой за палку или трубку и в то же время свободной рукой со-

Рис. 51. Пляска на празднике „чистого чума".

Фото автора.

единялись с стоявшими рядом парами. Таким образом составлялся круг. Затем все составляющие хоровод одновременно поворачивались внутрь круга, левые руки и правые плечи выдвигали наружу. При этом поднимали ногу, не отделяя носков от земли, и медленно описывали полукруг левой ногой, откидывая ее на бок, по направлению круга пляшущих. При этом участники танцев «хоркали» по-оленьи: мужчины грубым голосом, подражая самцам оленя, женщины — более нежным голосом, подражая важенкам (рис. 50 и 51).

Между прочим, Миддендорф во 2-й части своего «Путешествия на север и восток Сибири» (стр. 672) ошибочно

называет это хорканье в подражание оленю рычанием медведя, хотя оно нисколько не напоминает последнее.

Во время танцев свободные мужчины, оставшиеся вне круга, заходили между парами, стараясь отделить «даму» от «кавалера». Тогда сейчас же эта пара выходила из круга, «кавалер» вступал в единоборство со своим соперником. Эта борьба носила далеко не шуточный характер. Правда, дело ограничивалось только синяками, причем, следует заметить, что даже увечья, полученные при этом, не влекли за собой вражды. Кто из противников был брошен на землю, тот и считал себя побежденным и сам добровольно отходил, не претендуя уже на прежнюю «даму». Победитель вместе со своим «трофеем» продолжал пляску, пока кто-либо другой не отнимал и у него. При этой борьбе страсти иногда сильно разгорались, противники тянули даму за руки, каждый в свою сторону, причем дама держала себя совершенно пассивно, подвигаясь в сторону того, кто перетягивал.

Бывает и так, что один из противников схватит «даму», убежит с нею, посадит ее на свою нарту с намерением увезти ее. Тогда оставшийся противник накинет петлю из оленьего ремня на сидящую женщину и стащит ее на землю, и борьба снова возгорится с ожесточением, пока не победит один из противников.

Когда начинало темнеть, все танцующие парами уходили в один из трех чумов, стоявших поблизости. Войдя в чум, парочки рассаживались на полу, причем мужчина садился на колени женщине, или женщина на колени мужчине. При этом женщины расчесывали волосы мужчинам. В это время между ними происходил вполголоса разговор, при многочисленности собравшихся очень напоминающий шмелиное жужжание. Парень в далеко не скромных выражениях просил девушку стать его любимой, просил не сопротивляться, принимать его, когда он станет приходить ночью, при этом дарил ей или трубку, или огниво, или бусы или другую мелочь и просил ее, в случае согласия, заплести ему в волосы подарок из нескольких бус.

Девушка долго не соглашалась, с ловкостью опытного юриста приводя различные тонкие доводы, препятствующие принять предложение. Переговоры такого рода тяну-

лись по несколько дней. Наконец, когда девушка давала свое согласие и вплетала в волосы парня около ушей бусы, тут же договаривались о том, в течение какого времени он будет приходить к ней ночевать. Обычно срок не превышал одного месяца.

В назначенное время парень, когда пожелает, приезжает к девушке и спит вместе с ней и этому никто из домашних не препятствует. Когда срок кончится, интимные отношения прекращаются, и подарки взаимно возвращаются. Если в результате таких коротких половых связей родится ребенок, родители девушки оставляют его у себя.

Когда празднество закончится, каждый из присутствующих отмечает особой меткой одного белого оленя из числа тех, на которых он приезжал. Метка вырезывается ножом на шерсти левой лопатки. Метка эта называется теневой меткой sьdaŋŋa kirbil (рис. 52).

В следующем году эти метки не возобновляют, и олень этот считается обыкновенным, неимеющим никакого священного значения.

Празднество «чистого чума» не всегда совершается одинаково. Зависит это от того, какой шаман, призванный каким духам, совершает моленье. Подробно заняться изучением празднеств «чистого чума» мне не удалось, почему я в приведенном выше описании многие пункты недостаточно выяснил.

Празднество «чистого чума» настолько интересно и так тесно связано с древнейшими общественными формами брака и семьи, что требует специального подробного изучения на месте. Для того чтобы указать на различные особенности праздника, привожу ниже описание его со слов долганского шамана Романа Бархатова. Сведения вполне заслуживают доверия, так как были опросным путем проверены у других тавгийцев. Описание привожу, выпуская места, совпадающие с моими.

«Когда шаман с завязанными глазами идет к «чистому чуму», перед ним бросают на землю длинный аркан для ловли оленей и он должен, не видя, обойти его или поднять концом трости и перебросить через себя. По дороге развешивают шайтанов, и шаман, случайно подойдя к ним, узнает об этом и заклинает их.

Вокруг очага «чистого чума» кладут убитых собак.

Шаман, камлая, пускается в погоню за диким оленем, в шкуру которого потом с завязанными глазами стреляет из лука. После этого шкуру расстилают перед шаманом, на нее кладут кусочки мелко нарезанного мяса и жира. Шаман горстями набирает их в рот и разбрасывает, выплевывая по сторонам. Присутствующие ловят кусочки, которые, по их мнению, приносят счастье.

Затем шаман по глубокому ущелью поднимается вверх. По дороге он встречает болезнь своего племени, находящуюся в воде. В виде мелких рыбешек со всех сторон приплывают души народа п'ā. Шаман берет сачок и, не допуская души до духа болезни, вычерпывает их сачком и вне-

Рис. 51. „Теневая метка" оленя.

дряет их в себя. Часть из этих душ ускользает через отверстия сачка и уходит к духу болезни. Тогда шаман по счету этих ушедших душ говорит, что в этом году умрет столько-то человек, причем, не называя их по имени, описывает их характерные внешние признаки. После этого шаман запирает духа болезни железным неводом. Далее, продолжая свое путешествие, он достигает здоровой воды и выпускает туда души, принесенные с собой.

Далее шаман встречает гребца, плывущего на челноке, и они измеряют взаимно размахи своих рук. Если размах рук шамана хотя бы на кончик пальца будет длиннее размаха рук пловца, никто из тавгийцев в этом году не умрет. Если же размах рук шамана окажется коротким, год будет изобиловать болезнями. Дальше шаману приходится проходить по зыбучему песку, растянувшемуся узкой полосой между двумя озерами, где происходит борьба между ним и хозяевами болезни. Если последние не затопчут шамана в грязь, никто из тавгийцев не умрет. В случае победы шаман опять же запирает духов болезней в железный

невод. Если невод прорвется и духи выйдут на свободу, умрет кто-либо из близких шамана.

На шестой день шаман приходит на место, где «играют» шаманы. Они показывают там свою ловкость и силу, набрасывают друг на друга арканы из оленьего ремня и вступают в единоборство.

Перед этим камлающий шаман спрашивает у шаманов присутствующих в качестве зрителей: «Не желает ли кто-либо поиграть со мной?».

На седьмой день шаман узнает у божества относительно степени благополучия предстоящего года.

Празднество это происходило у ведеевских тавгийцев.

Девушки расчесывают волосы парням, сидящим у них на коленях и крепко удерживающим их, чтобы они не убежали.

При этом расчесывании волос девушки стараются рвать волосы посильнее, парни стараются не показать вида, что им больно, иначе девушка убегает.

По словам долгана Павла Яроцкого, на празднество «чистого чума», на котором ему удалось побывать, перед камланием убили трех оленей, шкуры их повесили головами к солнцу и на лоб каждой положили по серебряной монете.

V

По воззрениям тавгийцев, шаманы — ŋьda являются представителями и защитниками всех n'ā от действий злых божеств и духов. От них зависит счастье и благополучие всех тавгийцев.

Занимая такое важное место, шаманы должны тщательно охранять жизнь своих ближайших родственников. Смерть последних неблагоприятно отражается на шаманах: духи-помощники покидают их, и шаманы уже не могут приносить пользы, теряют всякий авторитет среди своего народа. Вот почему некоторые тавгийские шаманы, в случае смерти кого-либо из их семьи, от года до трех лет не камлают.

Шаманство не приобретается добровольно, путем личного желания. Божество избирает шамана еще до его рождения: будущий шаман родится на свет в сорочке.

Мучительную и длительную подготовку проходит будущий шаман; прежде чем сделаться шаманом, он вплоть до

десяти лет переносит различные психические и физические страдания. Душа шамана в продолжение этого подготовительного периода как бы перерождается, приобретает особенные свойства. Болезни у будущих знаменитых шаманов начинаются с колыбели.

Мною записано следующее описание шаманских страданий со слов знаменитого авамского шамана Дюхадие, упоминаемого выше. «Я стал шаманом еще до своего появления на свет; во чреве моей матери, на пятом месяце ее беременности, нашла меня Оспа. Моя мать, будучи беременной, стала во сне женою Оспы.[1] Она проснулась и рассказала своим, что ее будущий ребенок должен стать шаманом от Оспы и что она, после появления на свет своего ребенка, умрет, так как об этом сказал ей Оспа.

«И, действительно, я, говорят, родился в сорочке и этим самым подтвердил правдивость слов моей матери. Однако же моя мать не умерла, осталась жива. После моего рождения Оспа сказал ей: «Я не перережу твое дыханье».

«Когда мне исполнилось три года, моя мать вместе со мной (я был в колыбели) поехала в гости. Это было зимою в полярную ночь. Вдруг она где-то далеко услышала плач ребенка. Оглянулась назад, в зыбке меня не оказалось. Тогда она решила, что я где-то по дороге вывалился на снег и плачу, сильно испугалась и побежала туда, откуда слышался детский крик.

«Долго она бежала, и чем больше бежала, детский плач все больше и больше отдалялся. Наконец, моя мать догадалась вернуться к оленям и, только переехав на них большое озеро, нашла меня голого лежащим на снегу совершенно в стороне от дороги. Взяла, укутала меня потеплее и, думая, что я совсем обмерз, быстро поехала домой. Однако со мной ничего не случилось. Это Оспа вытащил меня через дугу колыбели и унес так далеко.

«Когда я немного подрос, говорят, прохворал три года.

«Во время этой болезни водили меня по различным темным местам, где бросали то в воду, то в огонь. К концу третьего года я, говорят, для окружающих умер, три дня пролежал неподвижно. И только тогда очнулся, когда на

---

[1] В данном случае оспа разумеется как дух мужского пола.

третий день собрались уже хоронить меня. Во время этой болезни у меня испортились глаза и с тех пор я очень плохо вижу. На следующую ночь, говорят, я опять потерял сознание. Ночью Оспа унес меня и бросил ничком в собачьи извержения.[1] Утром в таком положении нашли меня родные и привели в должный вид.

«После болезни я поправлялся очень медленно и только благодаря заботливому уходу матери.

«Когда я в течение трех дней лежал без движения и казался для окружающих умершим, происходило мое посвящение.

«Помню я, как будто куда-то иду вниз. Продолжая итти таким образом, я дошел по воде до середины моря и услыхал голос верхней болезни: «Относительно твоего корня, делающего тебя шаманом, следует сказать, что ты получишь дар от хозяина воды Bi ŋuo. Твое шаманское имя будет Huottarie (гагара).

«После этого верхняя болезнь начала мутить воду. Я вышел из воды и стал итти по берегу, около длинной горы. Не знаю, то ли это хозяйка воды, то ли другая, лежит на боку голая женщина.

«Я стал сосать ее груди. Она посмотрела на меня и сказала: «Вот как, оказывается, появилось мое дитя, заставлю его сосать. Ради большой нужды, сильно уставши, пришел, наверное, мой ребенок».

«Говоря эти слова, хозяйка воды вытащила со дна три рыбы. Одну из них она бросила в Енисей, другую в русские реки и третью в тундренные реки и озера. Вот отчего, я думаю, в тундре бывает так много рыбы.

«Бросая рыбы, хозяйка воды сказала: «Наделю все народы рыбой, чтобы они могли иметь себе пропитание».

«Около воды же обитает совершенно седой Sьrada ŋuo главный подземный хозяин. Он муж хозяйки воды. Вот этот главный подземный хозяин сказал мне: «Впереди будут голодные годы. Лучше было бы, если бы ты не оказался шаманом в эти тяжелые годы, но ты, оказывается, давно избран, поэтому все равно станешь шаманом, иди и

---

[1] По сторонам входа и за очагом против дверей привязывают на ночь собак, и там всегда в большом изобилии находятся экскременты.

обойди дороги всех болезней». Говоря это, подземный хозяин дал мне путеводителей — горностая и мышь. И вот вместе с ними я продолжал свой путь дальше до преисподней. Мои спутники привели меня на высокое место и сказали: «Взгляни». Я увидел семь чумов с разорванными нюками. «Что это за чумы?» — подумал я и решил зайти в один из них. Мышь и горностай сказали мне: «Не заходи, подожди, внутри чума обитатели поедают друг друга».

«Однако я вошел в средний чум и тут же сошел с ума, сознавая в то же время все происходившее вокруг.

«Это были люди преисподней, люди большой болезни (оспы). Вырезали они мое сердце и бросили вариться в котел.

«Внутри этого чума оказался хозяин моего сумасшествия, в одном из других чумов оказался хозяин запутывания (Namtari), в другом хозяин глупости (Hehirie) и хозяева различных плохих, незначительных шаманов.

«Все эти чумы я обошел и узнал пути различных людских болезней.

«Вот прибыли мы на то место шаманской страны, где закаливают мое горло и мой голос. Привели меня к девяти озерам. По середине одного из этих девяти озер есть, оказывается, остров. По середине этого острова растет одно дерево, видом похожее на молодую лиственницу, но такое высокое, что доходит до самого неба. Это дерево ŋunan'ufa — дерево хозяина земли. Рядом с деревом растут семь трав — родоначальников наших растений. От одной из них произошла трутовая трава.

«На солнечной стороне дерева на первом озере плавала утка каменушка — ŋoŋuoza с утятами, на втором утка — momunu (по долгански saŋŋulga) с птенцами. На третьем гагара — ŋ'opьa (разновидность гагары) с птенцами, на четвертом казарка — netike с птенцами, на пятом лебедь — saŋkuo с птенцами. На последнем седьмом плавал мышелов — mieku с птенцами. Я с заклинаниями обходил все эти озера. Некоторые из них были очень соленые, некоторые до того жаркие, что я не мог к ним подходить близко. Кончив обходить, увидал на озерах всех птенцов, обратившихся в больших, оперившихся птиц. Они были так многочисленны, что покрывали собою всю поверхность воды.

«Когда я поднял голову вверх, увидел на вершине дерева много разных людей от всякого племени: и тавгийцев, и русских, и долган, и юраков, и тунгусов.

«Голоса сказали мне: «Предназначено иметь тебе бубен (обейчайку бубна) из ветвей этого дерева».

«Как я заметил, оказывается, лечу вместе с птицами озер. Как только я стал отдаляться от земли, хозяин дерева закричал мне: «Оторвалась и падает моя ветка (т. е. дерева), возьми и сделай из нее бубен и будет он служить тебе в продолжение всей твоей жизни».

«Действительно, я увидал падающую ветку и поймал ее налету. Имела она три разветвления, и хозяин дерева закричал мне: «Из этих трех разветвлений сделай себе три бубна. Пусть будут у тебя три жены, которые станут присматривать и хранить эти три бубна. Первый бубен употребляй при камлании над роженицей, второй при болезни, третий, когда потеряется человек, заблудившись в пургу».

«Так же, как и мне, хозяин дерева роздал ветки, кроме одной, всем людям, находившимся на вершине дерева. Он сказал при этом, в человеческом образе по самую грудь высунувшись из корней дерева: «Одну ветку не отдам шаманам, оставлю ее для обыкновенных людей. Пусть они из нее строят себе жилища и делают все необходимое. Я есмь дерево, делающее всех людей способными к жизни».

«Когда я пролетал, схватив ветку, увидел по дороге не то человека, не то дерево, имеющее человеческий голос.

«Оно сказало мне: «Я показалось тебе. Если попросят тебя шаманить при очень большой болезни и у тебя содрогнется сердце, тогда вот этим осилишь. Эти имеют своих хозяев», и протянуло мне семь трав. «Одна трава от русской болезни, вторая — от всяких мелких летучих болезней, третья — от кашля, насморка и т. д., четвертая — от припадков разного рода, пятая — от укуса бешеных животных, шестая — для спасения умирающей жизни и седьмая — для закаливания (истощенных болезнью) людей. Если тебе встретится женщина — сирота или вдова, ты постарайся помочь ей своим шаманством. Пренебрегая, говоря, что она безродная, не перешагни через нее. Не отказывайся, потрудись, может быть, и поможешь. Если ты не будешь поступать так, как я говорю, здесь же перережу твое дыханье.

Для того же, чтобы вернее помогать женщинам, ты сам должен иметь три жены».

«Несмотря на эти твердые слова, я все не соглашаюсь и вступаю в пререкания и за это чуть не поплатился жизнью: и лето и зиму прохворал в течение целого года и так сильно, что меня все время приходилось возить только на санках.

«Вот эти мои три жены все сиротки, даже и родственников не имеют. Все они спасены мною от Оспы, вымолены мною. Я и сам вынужден был жениться на них, чтобы остаться в живых, ради желаний духа. Наверное многие люди смеются над моим многоженством.

«Вот после этого я пришел к широкому морю без конца и края. Берега у этого моря имели редко растущие деревья и короткие травы. И там я увидел семь плоских скал. Когда подошел к одной из них, они раскрылись. Внутри оказались зубы, подобные медвежьим зубам, и полость в виде коробки. «Вот я земли давильный камень», заговорила скала: «Я своей тяжестью сдавливаю дерновину земли, чтобы ее не поднял ветер».

«Раскрылась вторая скала, говоря: «Пусть все люди, как крещеные, так и некрещеные, берут от меня камень и выплавляют из него железо».

«Так одна за другой ракрывались и все остальные скалы и каждая из них говорила, чем она полезна для людей.

«На семь дней привязала меня около этих скал. Наверное, это приучали меня. Затем мои спутники, горностай и мышь, повели меня по зыбкой болотистой земле, которая привела к высокой сопке без дерна с болотистыми склонами.

«Как я потом заметил, раскрыта она в мою сторону. Вошел в нее. Там, как в чуме, кругом лед. Как будто и огонь горит, хотя и лед кругом. Светло, светло внутри.

«Когда я вошел, увидал на левой стороне двух сидящих голых женщин. Обе эти женщины имели на головах ветвистые оленьи рога, причем у одной рога были железные Обе они, подобно оленям, были покрыты шерстью.

«Я подошел к огню. Увидел, нет ни огня, ни очага, свет исходил от солнечных лучей, проходящих через круглое отверстие вверху.

«Одна из женщин, сидевшая ближе к дверям, обратилась ко мне: «Боишься что ли, дружок. Подойди ко мне поближе. Я беременна, послушай меня, дружочек, сейчас у меня появятся на свет двое оленят. Одного из этих оленят, в качестве жертвенного животного,[1] ты употребишь для нужд лесных людей (т. е. долган и эвенков), другого для нужд тавгийцев.

«И действительно, эта женщина родила при мне двух оленят и выпустила их по моей дороге. Затем сказала: «Да ты еще ведь остался; что я подарю тебе за гостеванье. Много ты перенес мучений по дороге, собираясь стать шаманом, возьми эту шерсть и положи ее в рукавицу», и подала, выдернув от себя несколько длинных волосков, говоря: «Ты будешь удачным шаманом для оленей, вот поэтому я отдаю тебе это».

«Другая женщина также при мне родила двух оленят: «Вот это я рождаю для всех людей», сказала она: «Пусть они послужат на пользу всех людей. Пусть они послужат пищею как для человека, так и для животных».

«Как я заметил, помещение имело два выхода. Один выход в тундренную (северную) сторону, другой в каменную (южную) сторону.

«По северному выходу женщина выпустила одного олененка, по южному другого.

«Выпуская первого олененка, она сказала: «Пусть будет для пользы тундренных людей (тавгийцев)», выпуская второго, сказала: «Пусть будет для пользы лесных людей (долган и эвенков)».

«Дальше она продолжала: «Вот посланное мною в тундру, оно пугливое, пусть будет диким оленем. Посланное в лес, оно смирное, пусть будет домашним оленем».

«Дали они мне выдернуть от себя по волоску и сказали: «Один волосок ты положи в правый карман, другой в левый. Этим ты снарядишь себе шаманскую одежду, выходи скорей. Если тундренную дверь будут закрывать, не будет у людей для промысла диких оленей. Если каменный

---

[1] Здесь разумеется не убиваемое животное, а то, которое среди долган известно под названием „arbaabыt". Больной дышет на него, и после этого животное отпускается на волю.

(южный) выход закроют, будут пропадать домашние олени», и обе двери раскрыли.

«Если болезнь слишком начинает донимать меня, тогда я дохожу до этого места.

«Дальше я пошел в солнечную сторону по пустыням, не оставляющим следов ног.

«Идя, я увидел высокие камни. Но до них оказалось не так-то близко, и дошел только на третий день.

«Каждый из камней имел отверстие, через которое я вошел в один из них.

«Сидел там голый человек и раздувал огонь мехами, имеющими три сопла. От их работы стоял такой сильный шум, что уши мои чуть не отвалились. Ноги свои голый человек широко раздвинул по обеим сторонам огня.

«Над огнем висел громадный котел, величиною с полземли.

«Увидев меня, голый человек сказал: «Кто это вошел?» и, достав из-за спины щипцы величиною с чум и схватив меня ими, притянул к себе. «Умер» — промелькнуло в мыслях, так сильно я испугался.

«Человек взял и отрезал мою голову, тело разрубил на мелкие части и положил в котел. Там мое тело варилось три года.

«В тундренной стороне чума этого кузнеца стояли три наковальни на общем основании. Кузнец положил мою голову на крайнюю наковальню, намереваясь покузнечить над ней, но потом раздумал. «На этой наковальне выделываются плохие шаманы. Он, пожалуй, не подойдет и зря пропадет», сказал он.

«Положил мою голову на среднюю наковальню, но потом опять раздумал, говоря: «Нужно эту голову переложить на солнечную наковальню», и положил мою голову на третью наковальню. Несколько раз слегка ударив по ней молотком, как бы испытывая крепость, он сказал: «Пожалуй, что над его черепом следует покузнечить, наверное, он станет знаменитым шаманом. Это наковальня не злого, а доброго шамана», и затем ударил уже сильно несколько раз по моей голове.

«Молот имел, оказывается, сквозное отверстие, и когда кузнец ударил по моей голове, она выскочила через это

отверстие. Кузнец поднял ее и, держа в правой руке, левую сунул в один из трех котлов, стоявших около очага, и сказал: «Оказывается, вода здесь не холодная. Если закалить его голову в этом котле, будет шаманом, не приносящим пользы. Сунув руку во второй котел, сказал: «Вода в этом котле немного холоднее, но и она не подойдет, и наконец, сунув руку в третий котел, кузнец сказал: «Вот здесь вода самая холодная, со льдом, сюда нужно бросить голову» и бросил мою голову в этот котел. Невыносимый холод пронизал ее.

«Затем кузнец снова опустил руку в первый котел и сказал: «Если вода будет теплее, чем сейчас, не камлай, все равно человек умрет и ты его не сумеешь спасти». Затем, опустив руку во второй котел, сказал: «Такой теплоты душа не особенно сильно хворающего человека, и ты можешь камлать над ним». И, наконец, опустив руку в третий, в самый холодный котел, сказал: «Это котел здорового тела».

«После этого кузнец снял с огня большой котел, в котором варилось мое тело, и перелил содержимое его в другую посуду. При этом оказалось, что все мускулы были отделены от костей.

«Вот я сейчас, не камлая, находясь в обыкновенном состоянии, не могу сказать, сколько всего отдельных частей в моем теле. У нас, у шаманов, оказывается, бывает несколько лишних костей и мускулов.

«У меня таких лишних частей оказалось три: два мускула и одна кость.

«Кузнец сказал мне: «Так как ты имеешь три лишних части тела, поэтому ты будешь иметь три шаманских костюма». [1]

«Из-за того, что я имею три лишних части тела, живу во сне одновременно в трех состояниях. Также одновременно бываю в трех местах и во время камлания, как бы имею три пары глаз, трое ушей и т. д. Хотя я еще и до

---

[1] Шаман Дюхадпе действительно имеет три шаманских костюма: для камлания верхнего и нижнего мира и для заклинаний над роженицей. Все они со всеми привесками и отдельными атрибутами зарисованы и описаны мною очень подробно. Так как описание по своему объему вышло бы за пределы настоящей работы, я не решился поместить его.

сих пор спорю со своими духами, что это не верно, под конец все же должен бываю признать справедливость их слов, что я действительно существую одновременно в трех состояниях.

«Когда все мои кости оказались отделенными от мяса, кузнец сказал мне: «Весь твой костный мозг стал рекою», и я действительно увидел внутри помещения реку, по ней плыли мои кости. «Смотри, как твои кости уплывают», сказал кузнец, и стал их щипцами доставать из воды.

«Когда все кости были вытащены на берег, кузнец сложил их вместе и они покрылись мясом, и мое тело получило прежний вид. Оставалась отдельно только голова. Она представляла собою голый череп.

«Кузнец сказал мне: «Перечитай письмена внутри своей головы». И я перечитал. Действительно, внутри головы, оказывается, бывают письмена и они читаются должно быть так же, как и у русских книги. Ежегодно один раз приходит ко мне во сне Оспа и заставляет перечитывать эти письмена. Причем он обещает, если я, не путаясь, правильно перечту, то никого не тронет из моего народа. Это чтение очень сложное, и если иногда при счете я спутаюсь, в этом году мои люди болеют оспой.

«Кузнец покрыл мой череп мясом и приставил к туловищу. Я принял свой прежний человеческий образ.

«Перед тем как отпустить меня кузнец сказал: «Вот я пересчитал твои волосы, они черные. Я тебя благословляю, ты будешь шаманить до тех пор, пока твои волосы не побелеют, как снег. Живи до тех пор, пока не ослабеют ноги. Самые крепкие люди доживают до 150 лет, ты будешь жить двести». Я, однако, этому не верю, никто из людей не доживает до таких лет. Затем сказав: «Я тебе вставлю другие глаза», вынул мои глаза и вставил другие.

«Я и сам не знаю, где находятся эти вставленные глаза, думаю, под кожей. Когда камлаю, я ничего не вижу настоящими своими глазами, вижу теми, вставленными. Когда меня заставляют искать какую-либо потерянную вещь, завязывают мои настоящие глаза и я вижу другими глазами гораздо лучше и острее, чем настоящими.

«Затем кузнец железно-сверло-указательным пальцем просверлил мне уши, говоря: «Ты будешь понимать и слы-

шать разговоры растений». Просверлил мне затылок железно-сверло-указательным пальцем, говоря: «Ты будешь понимать и слышать разговоры растений, находящихся сзади тебя». И я действительно получил способность понимать разговоры растений. И сам я удивляюсь, какая-нибудь маленькая кочка на болоте, на верхушке которой растут травы, как человек предупреждает меня, а когда я иду с завязанными глазами, чтобы я не сбился с пути, указывает путь заблудившегося человека, которого разыскиваю.

«Не знаю, то ли ветер меня отнес, то ли кто-либо другой, только я очутился на вершине горы. На этой горе мне стало так тепло и приятно. Я пришел в один чум и очнулся. Оказывается, я лежу в своем собственном чуме. Около меня сидят отец и мать.

«После этого я стал полусумасшедшим, часто распевал различные заклинания и уезжал сам не зная куда, без всякой цели, один. Часто впадал в обморок, ночью во сне мучили меня духи. И вот на седьмом году от начала моей болезни я поехал на оленях сам не зная куда и зачем.

«И вот на яву, не во сне, встретился со мной человек и вложил мне через рот когда-то вырезанное сердце. Вот поэтому, должно быть, из-за того, что мое сердце варилось, закаливалось в течение нескольких лет, я могу распевать долго шаманские заклинания, не испытывая никакой усталости.

«Скоро после этого духи во сне сказали мне, что я должен обзавестись шаманскими атрибутами. Проснувшись, я рассказал об этом своим домашним. Они поверили мне и сказали: «Как будто бы действительно наш человек хочет сделаться шаманом».

«После этого меня, хотя я и не имел костюма, стали звать совершать различные заклинания. Но когда после моего заклинания больные поправлялись, я говорил каждому из них: «Ты убьешь дикого оленя такой-то масти, шкура его будет для меня. Из этой шкуры сошьют мне такую-то часть шаманского костюма.

«Если тот человек, убив дикого оленя указанной мною масти, шкуру не отдаст, у него пропадет олень, или случится какое-нибудь несчастье. Этот поступок впоследствии можно исправить только специальным камланием.

«Сначала весною, во время прилета птиц, из шкуры предсказанного мною дикого оленя моя мать сшила мне наголовник (шапку). Через год весною, во время прилета гусей, старуха, живущая в другом чуме, сшила мне перчатки. Через год весною сшили мне нагрудник и обувь. Это сшили мне мои родичи. И только на третий год был сделан бубен.

«Это происходило следующим образом. На третьем году, зимою, в темное время, я увидел сон: мне духи сказали, что наступило время делать бубен. Тогда я в пяти чумах избрал искусных мастеров дерева. Они на другой день пришли ко мне и я совершил камлание, на котором описал наружный вид того дерева, из которого предстояло сделать для меня обечайку бубна.

«Рано утром, как только начало светать, всех нас семь человек, пять мастеров, отец (тоже шаман) и я, собрались искать дерево.

«За исключением меня, все ехали на санках. Я шел впереди их пешком с завязанными глазами, держа в руках топор.

«Я сказал своим спутникам: «Особенно мне не доверяйте, может, я ошибусь, приведу вас к гнилому или сухому дереву, тогда я окажусь обманщиком. Я не стану отмечать топором много деревьев, отмечу только одно дерево, предназначенное мне».

«И действительно, я привел своих спутников безошибочно к своему дереву и трижды ударил по нему, делая зарубки. Затем топор бросил на землю.

«После этого пять человек, работая по очереди, срубили дерево и повалили его по направлению восхода солнца.

«Смерили длину обечайки, отделили верхушку дерева, расщепили на-двое и одну половину обтесали топором.

«Затем все щепки собрали вместе, связали их в кожу и повесили на ближайшее дерево.

«Перед тем как вернуться обратно, мы все, ставши друг за другом, трижды обошли по солнцу дерево, на которое повесили щепки от срубленного дерева. Этим мы как бы огораживали дикого оленя, каковым для меня являлось срубленное дерево.

«В этот же день в чуме согнули обечайку бубна, сделали колотушку и привязали старинную железную крестовину, доставшуюся по наследству от давно умершего предка шамана.

«Весною на обечайку натянули шкуру дикого оленя, причем мать покрыла ее рисунками.

«На третий день после покрышки бубна, по установившемуся порядку, я совершил камлание, длившееся три дня. При этом камлании я убивал дикого оленя (душу), из шкуры которого нужно было сшить шаманскую парку.

«Я в течение трех дней загонял в сеть дикого оленя посредством собаки с одной подвязанной ногой (barusi bay— собака духов). И только на третий день загнал его.

«Тогда принесли шкуру дикого оленя, и двое, ставши по сторонам двери, держали шкуру перекинутой на длинной жерди. Мне завязали глаза, и я с завязанными глазами выстрелил в нее из лука.

«При этом стрела обязательно употребляется с костяным или деревянным наконечником, без железа.

«Если стрела не попадет, то шаман бывает несчастливым.

«Из простреленной мною шкуры сшили мне шаманскую парку».

Убивать душу дикого оленя, из шкуры которого шьется шаманская парка, для посвящаемого дело чрезвычайно сложное и трудное, непосильное для слабых шаманов. Передаю словами очевидца:

«Был у шамана Дюхадие брат Минтолие, теперь уже умерший. Вот этот Минтолие, собираясь стать шаманом, стал камлать для того, чтобы загнать и застрелить дикого оленя. Мне удалось присутствовать при этом камлании.

«Дюхадие, тогда уже шаман, находился среди присутствующих в качестве простого зрителя.

«Минтолие загнал зверя в невод и собирался стрелять в шкуру оленя. Открыли дверь чума, двое вышли на улицу и стали держать перекинутую на длинной жерди шкуру.

«Дюхадие вполголоса, как бы про себя, сказал: «Как бы не промахнулся».

«Минтолие с завязанными глазами выпустил из лука две стрелы; обе они, не задевая, пролетели мимо шкуры.

«Тогда встал Дюхадие и без шаманского костюма в обычной одежде завязал себе глаза и сказал: «Дайте я выстрелю». Ему подали лук и две стрелы, которые сразу-же он всадил в шкуру и сказал брату: «Ну твой олень прикончился, напрасно ты его плохо огородил, не употребляя в дело своих духов старинных предков».

«После этого Минтолие, выйдя на улицу, стал показывать движениями рук, что он снимает шкуру с убитого дикого оленя. Через некоторое время Минтолие начал, потирая руки, быстро бегать вокруг шкуры оленя, говоря: «Какой ужасный холод, никак не могу снять шкуры с оленя и распотрошить его».

«На это Дюхадие сказал: «Разве у тебя нет дома? Зачем ты убитого оленя не внесешь в дом, а начинаешь снимать с него шкуру на холоде», и начал заклинать, описывая словами, как он издалека переносит оленя в чум.

«Окончив заклинание, Дюхадие сказал: «Я своего убитого оленя внес в чум, сейчас ты без затруднения можешь снять с него шкуру».

«Минтолие вышел на улицу и движениями рук показал, что он без труда снял шкуру и разрубил оленя на три части». (Станок Долганы, долган Иван Сакатин.)

В следующую зиму, во время полярной ночи, шьется парка шамана и на нее нашиваются привески, оставленные предками шамана. Весною же, во время линяния гусей, выковываются нехватающие железки костюма. Для этой цели на улице ставят четыре столба, к которым посредством надрезов прикрепляют по две жерди. На верху каждого столбика устанавливают по маленькому деревянному изображению человека. Внутри получившейся изгородки кузнецы выковывают железки шамана. Два кузнеца занимаются ковкой, один раздувает огонь мехами. Все они сидят на шкуре олененка. Если во время ковки железо будет давать трещины, ломаться, причину этого видят в действиях неблагоприятных духов, и молодой шаман тогда заклинает.

У Дюхадие сначала были сделаны атрибуты, относящиеся к нижнему миру.

У ближайших, родственных соседей авамских тавгийцев —у хантайских тавгийцев (энцев) люди, предназначенные к шаманской деятельности, также испытывают различ-

ные страдания, становятся ненормальными. При этом они глотают горячие угли, проглатывают иголки, медные кольца и другие предметы. Тогда призывают шамана, заставляют его камлать, чтобы он остановил духов, причиняющих страдание младшему шаману. После этого камлания призываемый приходит в обычное нормальное состояние.

При посвящении шамана у хантайских тавгийцев, которое производится старым шаманом в торжественной обстановке и при большом стечении народа, происходит испытание новопосвящаемого для подтверждения действительности его призвания.

Новопосвященному завязывают глаза, затем натягивают сети и пускают его. Он, идя по направлению сетей, не должен натыкаться на них, но, если он действительно шаман, должен осторожно, не задевая, обойти сети. (Ненец Николай Болин и долган Василий Яроцкий).

Знаменитые шаманы у тавгийцев в отличие от обыкновенных людей имеют три души.

Дюхадие говорил, что он имеет три следующие души: 1) sьгьta ŋuo — птицу, предназначенную хозяином льда; 2) kicceda ŋьa ŋuo — птицу, предназначенную хозяином луны, и 3) душу, свойственную всем людям.

Первые две души испытывают муки при посвящении шамана, третья душа, после смерти шамана, остается при его семействе.

Относительно шаманских духов Дюхадие рассказал мне следующее: «Главных духов-помощников у шамана бывает немного. Основными из них являются души шаманов, предков по отцовской и материнской линии. Большинство же из многочисленных шаманских духов бывают рядовыми лжецами и обманщиками. Среди шаманских духов имеются три духа-начальника, которые, если духи ведут себя нехорошо, надевая им на руки особые веревки (путы), запирают в специальные дома.

«Некоторые из худых моих духов, во время начала моего шаманства, все время подстрекали меня к скверным поступкам, говоря: «Ты обязательно должен съесть такого-то человека или оленя». Несмотря на их подстрекательства и мучения, я все время воздерживался от этого греховного поступка. Тогда мои три духа-начальника сказали: «Пока

нашего шамана на десятом году жизни духи не заставили испить человеческой крови, надо отделить их и запереть», и куда-то увели и заперли злых духов-подстрекателей. С тех пор они перестали беспокоить меня и я не стал злым шаманом, попрежнему остался доброжелательным».

«Когда я призываю духов, мои духи-начальники выводят из местообитания необходимых из них и после камлания уводят обратно».

«Питаются духи-помощники дымом бросаемого в огонь жира. Мы после камлания всегда кормим своих духов. Кроме того, кормим их ежегодно два раза: весною, перед прилетом птиц, и осенью, во время замерзания воды».

Духи шамана, так же как и люди, размножаются.

«Моя старшая жена (segu nemi) — жена моих духов и также она и мать моих вновь рождающихся духов. Когда я с нею вступаю в половые сношения, рождаются новые духи-помощники. Кроме того, каждый год девять раз приходит к моей старшей жене Оспа и спит вместе с нею».

Если шаман состарится, духи покидают его и переходят к одному из его детей. Кроме того, духи покидают шамана на время или навсегда при частых смертях его родичей и родственников. В таких случаях шаманы теряют всякий авторитет среди народа. О тавгийском шамане, брате ведеевского тавгийца Кехептие, мне говорили его родичи: «Какой же он шаман, похоронил и жену и детей своих, все духи покинули его. Плохой шаман, не смог охранить свое семейство».

Тавгийский шаман, являясь в глазах народа его хранителем и защитником перед божествами и духами, часто вынужден бывает под угрозой своих сородичей, против личного желания, совершать камлания.

Функции шамана не ограничиваются только лечением больных. Насколько разнообразна его деятельность, можно видеть даже из следующего краткого перечня камланий на различные случаи.

Камлания совершаются по следующим поводам: 1. болезнь. 2. Плаксивость маленького ребенка (пропускают его через отверстие расщепленного посредине дерева suttu и завертывают в шкуру белого олененка). 3. Испрашивание оленят у божества Та ŋuo. Шаман получает от него несколько

волосков, приносящих размножение оленей, и передает их для хранения человеку, заставившему шаманить. 4. Испрашивание песцов. Шаман приносит в жертву хозяину песцов щенка и взамен его получает песца. 5. Испрашивание дикого оленя. Шаман дает хозяину диких оленей чучело оленя, сделанное из шкуры, и взамен получает диких оленей. 6. Испрашивание рыбы во время ледохода. При этом камлании шаман не может близко подойти к духу воды: он издалека кричит, чтобы тот дал ему рыбы в обмен за убитого пестрого или белого олененка. 7. Нападение волков на оленьи стада. Шаман обращается к волчьему хозяину Dylede sьrada, представляющему собой ледяного волка наполовину с человечьим лицом. 8. Укрощение пурги с удушением черной собаки.

Камлание тавгийского шамана несколько отличается от камлания долганского, якутского и других сибирских шаманов. Заклинания его короткие, через 5—10 минут делается пауза. При этом, чем короче заклинания и больше пауз в камлании, тем шаманы считаются счастливее и долговечнее. Шаманы, камлающие продолжительно без паузы, долго не живут, их век бывает короток.

Перед камланием шамана привязывают железной цепью, идущей от железного круга на середине спины, к чумовой жерди.

В паузах шаман скачет, наваливаясь всем телом вперед. И для того, чтобы при этом не разорвалась или не соскочила с жерди цепь, один из присутствующих крепко держит ее за конец (рис. 48). В таком положении шаман очень напоминает прыгающего зайца. Каждый раз перед паузами шаман спрашивает у присутствующих о правдивости своих заклинаний. И только получив от них утвердительный ответ, продолжает заклинание дальше, но и при этом требует, чтобы его упрашивали, просили продолжать дальше, так как духи без этого отказываются выполнять волю шамана.

Упрашивает кто-либо один из числа присутствующих, обладающий искусной речью, при этом он ударяет палочкой по краю бубна. При каждом из таких ударов шаман вздрагивает, как бы пугаясь, и только после неоднократных просьб возобновляет заклинание.

Но случается, что духи, несмотря ни на какие упрашивания, не хотят, чтобы шаман продолжал камлание. Тогда принуждают духов, ударяя ладонями по спине шамана.

Наиболее важное и ответственное камлание — это камлание над больными, которое так описывает Дюхадие: «Человек хворает оттого, что умершие похищают его душу и утаскивают ее вниз, в свои жилища. Шаман должен перехватить душу, пока она не достигла жилища мертвых. Когда же она достигнет последнего, никто не может вернуть ее назад. При камлáниях всегда должен быть подпевающий помощник tuoptatā. Без него ни один шаман не камлает; он является ближайшим направляющим спутником шамана. Если камлание происходит над особенно серьезным больным, помощником шамана обязательно должен быть родственник или старшая жена его (шамана).

«Шаман садится всегда, подогнув под себя ноги, на шкуру специально убитого оленя с неотделенной головой и копытами. Расстилается эта шкура за очагом против двери. Сидеть шаману на полу чума нельзя, так как последний считается нечистым в виду присутствия больного, потому расстилается шкура».

Кроме того, когда выслеживаю душу больного, заставляю убивать черного олененка. Голову, кости и желудок его вместе с содержимым кладу около очага, в жертву хозяину огня, чтобы он помог мне.

«Из шкуры заставляю сшить подушку для больного. И если на ней больной уснет первую ночь спокойно, он выздоровеет. Если же не уснет, не выздоровеет. На удушение указанного выше олененка я получаю особое разрешение от божества оленей. Оно говорит мне: «За то, что я разрешаю тебе убить этого теленка, следующего светлой масти олененка, который уродится, ты должен подарить мне, отметив особой тамгой».

«Перед камланием я совершенно не пью и не ем, чтобы не выходить из чума для выполнения естественных надобностей. Если же иногда вкушаю пищу и пью, то, чтобы самому не выходить во время камлания, свою мочу и извержения внедряю в особых своих духов-помощников, мочащихся и испражняющихся вместо меня».[1]

[1] То же и у долган.

«Во время камлания и путешествия как в верхний, так и в нижний мир, души всех присутствующих следуют за шаманом. И последний, при возвращении своем на землю, должен провести с собою все души, не оставляя ни одной.

«Во время камлания присутствующие в определенное время, вместе со мной, подражают крикам лебедя, кречета и гагары. Этим они призывают мне моих духов. Если же присутствующие не помогут мне таким образом, то и духи не придут ко мне. Перед тем как отправиться в нижний мир я, прикладываясь губами к болящему месту излечиваемого, втягиваю в себя из него тот нечистый туман, который оставляют духи после похищения души больного. Если же рана бывает гнойная, я высасываю из нее гной, протыкая нарыв клювом своей железной гагары.

«Спустившись вниз, ныряя, я следую за своей гагарой. Перед этим я намазываю свои руки жиром дикого оленя, чтобы к ним могла прильнуть похищенная духами душа больного. Она обыкновенно прилипает к подушечке большого пальца.

«Когда снизу возвращаюсь назад, божество Duttarihi загораживает путь, и я пролетаю, превратившись в стерха (аиста).

«Принеся снизу похищенную душу больного, дую на макушку и в уши больного, внедряю в него дыхание и восклицаю при этом: «huok!».

«Перед этим я пропускаю больного через отверстие, прорезанное в жерди во всю ее длину — suttu (аналогичное долганскому sьсьрkan). Для этого двое из присутствующих растягивают жердь, и больной пролезает сквозь прорез. После этого жердь завертывают в кожу и крепко связывают так, чтобы стенки плотно сошлись друг с другом и отверстия закрыли выход. Это я делаю для того, чтобы очистить больного.

«Камлание нижним духам всегда производится вечером. Когда шаман снизу принесет душу больного, он через некоторое время камлает, унося ее вверх. Камлание это совершается сразу, если человек крепкий; если же слабый, через 3, 6 или 9 дней. И в этот промежуток времени шаманам приходится следить очень зорко, чтобы снова не мог выйти снизу какой-нибудь злой дух.

«К каждому человеку от его создателя N'ьlьtьa ŋuo опускаются сверху нити. Я пробую их крепость, потягивая. Если они при этом недостаточно крепко натянуты и вытягиваются, тогда я считаю дыханье больного не совсем укрепившимся, медлю с камланием верхним духам. Если же нити натянуты туго, как нитки из оленьих сухожилий, камлаю без всяких колебаний. Шаман, для того чтобы окончательно исцелить больного, должен унести его душу вверх и вручить ее для сохранения одному из добрых божеств. В противном случае злой дух снова сумеет похитить ее. Душа человека бывает очень нежная, дыхание ее такое же непрочное и тонкое, как эта бумага, на которой ты пишешь, и даже тоньше. Поэтому уносишь ее к божеству не в ладони, а спрятав куда-либо в складки своего костюма, чтобы по дороге не похитили ее злые духи. Камлание при относе души самое ответственное дело, непосильное слабым и худым шаманам. Поднимаясь вверх, приходится проходить по местам, острым подобно лезвию ножа. По дороге находится злое божество Sьrь ŋuo — белое божество. Оно просит шамана отдать ему на еду жену и детей. Однако же съесть самого шамана не решается, боясь его необыкновенного наряда. Страшное это божество, даже я боюсь его. Приходится пролетать между его раздвинутыми ногами.

«Когда шаман приносит душу доброму божеству, последнее очень много испытывает его, говоря, что, будто бы, у него рот в крови, что он съел человека или оленя и т. д. Когда наконец у шамана кончатся все слова для опровержения, только тогда божество высказывает свое благоволение, говоря: «Я это делаю только для того, чтобы испытать тебя, чтобы узнать, не совершил ли ты действительно какого-либо проступка». Божество обнюхивает шамана и только тогда, приняв душу больного, отпускает его обратно, говоря: «Нет в тебе нечистого запаха. Есть только один запах, данный мной».

«Вручив душу больного, шаман спрашивает у божества число оставшихся лет жизни больного. Тогда божество проводит рукой по ладони шамана столько раз, сколько лет указывает прожить владельцу души».

Другое интересное описание камлания тавгийского шамана привожу со слов долгана С. С. Дуракова.

«Мне удалось присутствовать вместе со своим дядей, хорошо владеющим тавгийским языком, на камлании одного шамана над роженицей, лежавшей в очень тяжелом положении. Камлание происходило не в чуме роженицы, который считался нечистым, а в другом, стоявшем рядом.

«Шаман был очень пугливый и во время своего камлания запрещал кому-либо громко кашлять, шуметь, бросать тлеющую лучину от закуренной трубки и так далее, так как его духи, пугаясь, оставляли его. Когда кто-либо из присутствующих производил шум, шаман сейчас же начинал раздеваться, снимать с себя костюм.

«Тогда присутствующие начинали бить его по спине, вынуждая этим покинувших его духов вернуться, говоря при этом: «Мы просим вас, не чужие, свои люди, люди солнца, ваши дети».

Далее Дураков рассказывал:

«Шаман снова надевал костюм и начинал камлать. Его заклинание вначале состояло из предсказываний, на которые он ожидал от присутствующих или подтверждения или опровержения, если они казались для последних не заслуживающими доверия. В последнем случае шаман начинал снимать костюм, говоря, что если его слова не заслуживают веры, не следует продолжать дальше.

«Шаман предсказывал, что в семье у больной имеется шайтан такого-то вида, причем подробно описал его внешность. Это оказалось неверным, как сказали присутствующие. Тогда шаман сказал: «Все духи мои ушли», и снял свой костюм. Все присутствующие стали бить по спине шамана и усиленно умолять.

«После долгих колебаний шаман снова надел костюм и сел на свое место. Затем он упал на живот, изображая ныряние в воду за дыханием больной. Вода символизировала при этом год. Если шаман сумел бы вытянуть из воды дыхание больной, последняя должна была бы поправиться и пережить («переплыть») этот год.

«Шаман, лежа, сказал, что увидал роженицу в liherie — одежде умершей матери, а одежду эту следовало оставить на могиле умершей, и спросил: «правда ли это?».

«Послали к роженице девушку спросить, действительно ли это так, и принесли отрицательный ответ.

«Тогда шаман опять сказал, что духи покинули его и дальше он уже не будет камлать, так как все его слова оказываются лживыми и, сняв костюм, начал снимать и обувь. Тогда муж роженицы в отчаянии хватал шамана за ноги и стал плакать и упрашивать его не делать этого. Присутствующие тоже стали просить шамана. Наконец, муж сам побежал к жене и, придя обратно, сказал, что слова шамана правильны. Хотя у его жены и нет herie матери, но она к своему liherie действительно пришила оторочку от liherie матери.

«Куда девалась медлительность шамана: он сразу оживился, надел костюм и начал камлать, отыскивая душу больной».

Описанные выше церемонии упрашивания шамана происходят при всех камланиях над больными. Вначале шаман начинает предсказывать, при этом касается предметов домашней обстановки, затем переходит к оленям, к событиям на охоте и т. д., только потом говорит о причине болезни. Присутствующие должны подтверждать правдивость сказанного. Если же они, зная ложность предсказаний шамана, будут поддакивать ему только для того, чтобы духи его не ушли, это будет нехорошо — шаман заблудится и направится по ложному пути в поисках души больного. Кроме того, в затруднительных случаях во время камлания шаманы просят совета у присутствующих, что им делать и как поступить. При этом неразумные советы присутствующих могут иметь гибельные последствия как для шамана, так и для его сородичей.

«У старухи Босуо был младший брат, сын последнего был шаманом. Вот однажды девять тавгийцев, ехавших на оленях по тундре, попали в сильную пургу. Чтобы не потерять из вида друг друга, тавгийцы продолжали свой путь, подвязав оленей друг за другом, сами не зная, куда они попадут.

«Внука Босуо, находившегося среди путников, другие стали просить, говоря: «Выведи нас к чумам». Он сказал на это: «Крепко завяжите мне глаза, чтобы я совсем не мог видеть. Если завяжете слабо, никогда не выберемся и умрем здесь в тундре. И вот, сделав это, передних оленей привяжите к моей спине парою поводьев, я же буду итти пеш-

ком; смотрите же, берегитесь, не вздумайте громко разговаривать, а тем более кричать. Если кто-либо из вас не выполнит этого, конечно, меня духи покинут, и мы не выберемся отсюда. Если нарта заденет за дерево или перевернется, подойдите ко мне и без слов остановите».

«Долго ехали за идущим впереди шаманом. Но вот последняя нарта ударилась об дерево, и седок свалился.

«Передние, не заметив этого, продолжали ехать. Человек бежал, желая догнать ехавших, но силы его оставляли, а путники все отдалялись. Тогда он не выдержал и закричал. Шаман так и присел на месте, духи оставили его, и он начал говорить: «Ну вот теперь мы уже погибли», укоряя нарушившего его приказание.

«Спутники сколько ни упрашивали, сколько ни били по спине шамана, ничего не могли поделать: духи не хотели приходить.

«И вот шаман сказал: «Ничего сейчас не поделаешь. Мне кажется, что мы все-таки не так далеко от чума. Пусть один из вас, лучше всех знающих место, поведет нас».

«Все на это согласились и скоро выехали к чумам.

«Вот этот самый шаман, умерший в молодости, незадолго до своей смерти все говорил своим домашним: «Во сне каждую ночь приходит и все время вертится около меня русская женщина». Он заставлял старых людей толковать этот сон, но никто из них не мог ему разъяснить загадки.

«Вот шаману наступило время камлать на празднестве «чистого чума». Во время камлания шаман все время видел эту же самую русскую женщину, которая являлась ему во сне то сидящей около шеста, стоящего посредине чума, то стоявшей в дверях с распростертыми по сторонам руками. И вот шаман, наконец, не вытерпел и рассказал присутствующим: «Вот я все время вижу русскую женщину, посоветуйте, как мне поступить!» На это несколько человек сказали: «Ну-ка, попробуй испугать ее что есть силы». Шаман послушался неразумного совета и испугал русскую женщину громким криком. Тогда женщина подошла и щелкнула шамана в лоб. Шаман сразу же свалился без движения, на лбу у него образовалось красное пятно. Через долгий промежуток времени шаман пришел в себя, уселся и горько заплакал: «Вот ведь я погиб, послушавшись со-

вета неразумных людей. Эта женщина, оказывается, наша «мама» (Оспа). Я ее оскорбил. Да, теперь все кончено, мы все погибли, сказал он».

«И действительно, через несколько дней началась сильная эпидемия оспы, в которой, прежде всего, погиб сам шаман (Летовье, долган С. С. Дураков)».

Большой известностью пользуются среди долган шаманы тавгийцев. Особенно поражает их способность разыскивать «нюхом» воров и находить заблудившихся в пургу.

Во время одной из бесед с шаманом Дюхадие мой переводчик, Еким Иванович Лаптуков, таинственно сказал: «Твой сосед — особенный человек. Недавно только перед твоим приездом в сильную пургу потерялся тавгиец Люрюлюё. Его домашние прождали целых две недели. Родичи стали укорять Дюхадие, стали гнать его, чтобы пошел искать потерявшегося. Долго не соглашался Дюхадие, говоря: «Что я поделаю, вы его уже несколько дней искали и не могли найти, но почему же меня об этом не предупредили раньше». Наконец, после долгих уговоров, Дюхадие согласился, говоря: «Я видел во сне как будто потерявшийся еще жив. Ладно уж, так и быть, пошаманю как-нибудь. Вы откочуйте к краю леса, — сказал он своим родным. — Я останусь один и постараюсь найти его. Приготовьте мне трех оленей». И стал шаманить в продолжение трех дней». Далее переводчик предоставил слово самому шаману. Дюхадие продолжал рассказ. «Я надел на себя только один шаманский костюм на голое тело, заставил завязать себе глаза и проходил по тундре три дня и три ночи. За мною на оленях, запряженных в нарты, следовали два тавгийца Суга и Джайкуо.

«Стебли поблекших трав и кусты около моего чума ничего не знали и не могли мне ничего сказать про заблудившегося. Наконец, я спросил у хозяина речки и он на третий день указал мне, и я наткнулся на совершенно обледенелого человека. Он еще был жив, мои спутники как можно скорее увезли его в чум.

«Хотя на мне была только одна шаманская парка, надетая на голое тело, я однако не поморозился, только сильно продрог, да и то почувствовал это, приехав к себе в чум».

Тавгийский шаман, когда желает разыскать вора, кам-

лает три дня при большом стечении народа. Во время камлания он бросает бубен, ему завязывают глаза. После этого шаман на корточках идет к двери чума, прижимает палец к земле и, поднося его к носу, как бы нюхает следы вора. И вот все время обнюхивая таким образом, идет он от двери и обходит всех присутствующих и указывает на одного из них, как на вора.

Шаманы при своих священнодействиях не всегда надевают костюм, мелкие заклинания они совершают, имея только один бубен. Одно такое заклинание происходило на моих глазах утром 2 марта 1931 г.

В чуме Дюхадие, где жила его жена, правую сторону занимали Дюхадие с женой, левую — зять с женой и маленькими детьми. Дочь шамана была беременна и ходила последние месяцы. Шаман взял нагретый бубен и в обычной домашней одежде, не надевая специального костюма, уселся на левой половине чума; за помощника с левой стороны уселась сама беременная.

Шаман: «Куку. Каук». Поет без слов, вместе поют дочь и вторая жена шамана. С правой стороны подсел старший брат шамана и, ударяя по обечайке бубна палочкой, сказал: «С того времени, как происходило камлание «чистого чума», твоя дочь все недомогает. Уродилась десятая луна ее беременности. Вот согласно твоему предсказанию, молясь к женскому божеству (к N'ā),[1] ты должен был упросить его о благополучном разрешении твоей дочери. Чтобы при твоей мольбе божество женщин не в сердцах заставило благополучно разрешаться от родов, просим, чтобы ты помолился божеству N'ā».

Брат шамана отошел на свое место.

Шаман (ударяя в бубен): «От хозяина луны испрашиваю, от солнечного света испрашиваю. Говоря: «Хозяйка земли, не обижайся!» испрашиваю от тебя. Хозяин неба, хозяин звезд, хозяин земли не пугайтесь, чтобы предназначенный вами ребенок уродился счастливый, упрашиваю. Хозяина огня умолил. Хозяин огня, не вздумай пугаться, твое дитя — я говорю. Другой кричит: не подумай. Потихоньку, потихоньку, не вздорно умоляю. Говоря: «Может

[1] Интересно здесь отметить совпадение имени женского божества с самоназванием тавгийцев.

быть, в будущем N'ā заставить рождаться детей», упрашиваю ее. Если ребонок (т. е. предназначенный ею) родится, все будет приготовлено. Все будет для него готово, божество детей. Будет он с сетями, будет он с ружьем. Снизу предупреждаю тебя, божество!»

Муж беременной ударил палкой по обечайке бубна.

Шаман: «Вот этот человек костяшку от оленьего ремня своего умершего отца употребляет вот уже несколько дней, вот почему болеют олени. Правда ли?»

Ответ: «Правда».

Шаман: «Мать, ты, оказывается, взяла у лесного человека (т. е. у долгана) сумочку, сшитую умершей девушкой, и отдала ее своей дочери. Вот эта сумочка присоединяется, чтобы затуманивать твою дочь. Правда ли?»

Мать: «Правда».

Шаман (к божеству N'а): «Вот спрашиваю у тебя, которое из этих имен: мышь, дикий олень, песец, которое лучше, ты, божество N'а, назови мне».

Божество (устами шамана): «Я не имею обыкновения давать имена неродившимся детям, когда родится, тогда и назову».

Шаман: «Белоносое (как олень) божество, пестрое божество, посоветовавшись, дайте мне имя для моего ребенка» (пауза).

Шаман (к зятю): «Имена, названные мною, нравятся ли тебе? или ты, может быть, желаешь назвать по-другому?»

Зять (муж беременной): «Как же мне не будет нравиться божеское, а не бесовское (злого духа) имя, имя божества N'ā даешь».

Шаман: «В прошлом месяце умерла женщина. Об этом я предсказывал еще на празднестве «чистого чума». Правда ли я говорил? Ну как, вы теперь верите мне?»

Ответ: «Да!»

Шаман: «Вот поэтому хозяин земли, хозяин растительности, нисколько не медля, ныне обращаюсь к вам, чтобы отныне и моя дочь и ее олени, и люди, начиная от тавгийцев, кончая русскими, благополучно жили. Чья-то, кем-то во сне виденная дорога есть, оказывается. Я на нее наткнулся».

З я т ь (муж беременной): «Я летом видел сон. Как будто вместе с женой куда-то еду. Затем, помню, наши олени будто бы устали, и мы очутились в болотистой местности. «Где же мы устроим привал?» спросил я у жены».

Ш а м а н: «И вы остановились на краю этого болота?»

З я т ь: «Да, да. Моя жена сказала: «Давай здесь остановимся, как-будто здесь сухо». И после этого я проснулся».

Ш а м а н: «Попробую помолиться. Видеть (во сне) болото плохо. Для того чтобы быть счастливым, чтобы родился новый ребенок, чтобы быть долговечным, испрашиваю. Чтобы благополучно, без несчастий прожить, издалека кричу верхнему божеству. Даже мыши размножаются. Чтобы без нужды заставил нас прожить, умоляю, издалека крича. Если суждено родиться девочке, для нее каменный шайтан найдется. До конца прокричав, кончил. Свой сон возвестив, кончил!».

Ленинград, 6 февраля 1933 г.

A. A. POPOW

LES TAWGHIS d'AVAM ET DE VEDEY

Résumé

L'étude présentée par l'auteur ne tient pas à résoudre le problème de l'origine de la population nomade des tawghis; ce ne sont que des matériaux recueillis au cours de deux années d'un travail d'expédition dans le pays même.

L'étude commence par une courte description géographique du pays de Taymir; elle donne le dénombrement de sa population nomade (615) et trace les voies de traverses et les places de campements que suivets les tawghis l'été et l'hiver. Elle contient ensuite une description assez détaillèe de la culture matérialle des tawghis (habitation, vêtements, nourriture. élevage et pâturage des rennes, chasse) et donne un tableau vif de leur vie nomade, de même que de leur droit coutumier. de leurs cérémonies de mariage et d'accouchement.

La plus grande partie de l'étude parle de la religion des tawgis. L'auteur a recueilli des données nombreuses sur l'adoration des astres — du soleil en particulier — et de différents esprits. L'analyse de la conception de l'âme chez les tawghis mène l'auteur à une description détaillée de leurs coutumes funéraires fort compliquées. Il donne des détails intéressants sur la fête de „Čhum propre" qui dure sept jours après la nuit polaire. Le but principal de la fête est la demande de félicité pour toute la tribu des tawghis pour l'année prochaine.

Le dernier chapite de l'étude est consacré au chamanisme. L'auteur y parle du rôle et de la portée des chamans et donne, d'après un recit de chaman, le procédé d'acquisition du soi-disant génie de chaman, de mête que des détails sur les

cérémonies concernant la préparation des attributs symboliques du chaman et sur la manière — particulière au chaman des tawghis — d'exercer le „camlanyé".

L'auteur décrit, d'après les récits des lieux, la capacité des chamans pour découvrir les objets volés, retrouver le chemin perdu et les égarés pendant les orages de neige.

A la fin de l'étude l'auteur donne en russe le texte de la conjuration d'un chaman, demandant le bonheur pour l'enfant futur de sa fille enceinte.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Серия научно-популярная

Акад. В. М. Алексеев. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. 1932. 178 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Н. Горский. Тридцать семь дней на дрейфующих льдах Каспия. 1935. 184 стр., 23 иллюстр. Ц. 2 р. 50 к.

П. А. Кашинский. Лечебные грязи на Северном Кавказе. 1935. 46 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Акад. В. Л. Комаров, Происхождение растений. Изд. 4-е, 1935. 192 стр., 29 фиг. Ц. 3 р. 50 к.

Б. Н. Личков. Движение материков и климаты прошлого земли, изд. 3-е, 1935. 142 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Ю. В. Медведев. Новые направления в учении о ферментах, 1932. 124 стр., 1 фиг. Ц. 2 р.

Б. Н. Меншуткин. Важнейшие этапы в развитии химии за последние полтораста лет. Изд. 3-е, 1934. 120 стр. Ц. 1 р. 25 к.

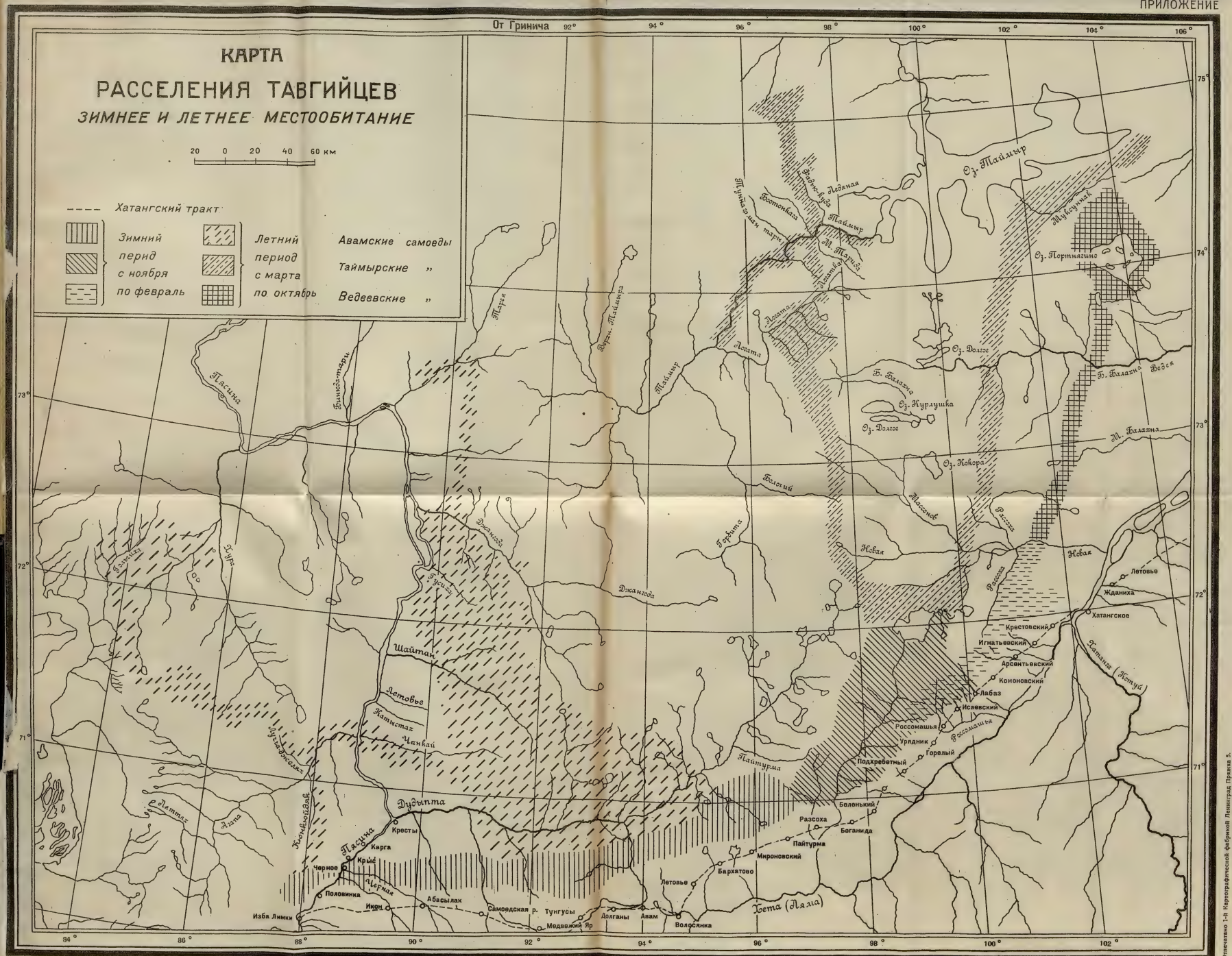
М. И. Сумгин. Вечная мерзлота в СССР. Изд. 2-е, 1934. 84 стр., 34 фиг. Ц. 2 р.

Б. К. Шишкин. Как составлять гербарий, 1935. 30 стр. Ц. 50 к.

И. Д. Шахназаров. „Крестьянская реформа" 1861 г. и крестьянство после „освобождения". Изд. 2-е, 1935. 215 стр. Ц. 3 р.

Все книги, изданные Академией Наук и имеющиеся в продаже, высылает наложенным платежом Отдел Распространения Издательства Академии Наук СССР — Москва, Проезд Художественного театра, 2. Сектор „Научная книга — почтой".

По г. Ленинграду, Ленинградской области, АКССР и Северному краю заказы выполняет Ленинградское отделение Издательства — Ленинград, 164. В. О., Менделеевская лин. 1.



Тираж 1250 Заказ № Л 1311

Отпечатано 1-й Картографической фабрикой Ленинград Пряжка 5.

Цена 3 р. и 1 р. 50 к. карта

ПАЗ
Ж.-84

БАН СССР
Оценка 10
"4" р. 50 к.

ИЭ
Ж-845
т. 1 в. 5
1936